
ЭВО

Иван Кост
Эво

https://litres.ru/75026352
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир рухнул за одну ночь — и теперь каждый шаг может стать последним. В городе, где улицы шепчут о погибших, а тени прячут угрозу, герою предстоит не просто выжить, а понять, кто на самом деле разжёг эту войну. Цена правды окажется выше, чем он мог представить — ведь она измеряется чужими жизнями.

Содержание

Глава 1. Город 4
Глава 2. Штольни. 10
Глава 3. Плен. 44
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Иван Кост
Эво

Глава 1. Город

У каждого города есть своя душа. У Нейска она не просто загадочная, она безумная и таинственная. И сегодня она истекает кровью.

Эх, мой друг, если честно, я не знаю, с чего начать: с того, как город, зажатый в тиски стен, будто бы перестал в миг дышать? Или с того, как город красив: мосты, извиваясь, как змеи, похожие на вены, тянулись по городу и как бежала жизнь? Или с того самого дня, как в баре, где Причуда каждый день после работы пропадал, бармен толкнул его: «Эй, парень, ты чего завис? Говорю же, закрываемся!». Наверное, да, так и начнём.

Причуда с трудом приподнял голову, будто она была неподъёмной, и помотал ею из стороны в сторону, пытаясь стряхнуть остатки дрёма. Перед глазами плыло. Взгляд скользнул с мутной пены в стакане на хмурое лицо бармена под фоновую гитарную мелодию.

— Хорошо… Сейчас… — выдавил он.

Он поднялся, цепляясь за край стойки, и побрёл к выходу, неуклюже обходя пустые стулья. В баре была тишина, только

скрип половиц да тихий лязг цепочки, которую бармен накинул на дверь за ним.

Его дом был прямо напротив — в обшарпанной двенадцатиэтажке, чьи окна по ночам светились тускло. Жизнь не щадила парня: в семь лет он попал в ту злополучную аварию — машина вылетела на встречную, и мир в один миг раскололся на «до» и «после». Родители не вернулись, а он остался с бабушкой.

На момент начала этой истории ему было двадцать пять: худощавый, темноволосый, с лицом, на котором усталость прочертила ранние морщинки. Он вошёл в квартиру, не включая света, и рухнул на диван, даже не сняв одежду — тяжёлый серый день наконец-то отпустил его, позволив провалиться в сон.

Но сон не принёс покоя. В темноте перед глазами мелькали обрывки: на полстены — таблица с числами; вокруг — темнота, лишь где-то вдали алого солнца отсвет, затуманит разум, прорвавшись сквозь рассвет.

Утро двадцать седьмого февраля. Зима отступала, последний снег таял прямо на глазах, оставляя тёмные лужи. Причуду разбудил острый луч, ударивший в лицо. Слепо щурясь, он неловко выпутался из плена одеяла, сбросил одежду на пол комком.

В комнате приглушённо бормотал телевизор. Видимо, засыпая, Причуда задел пульт. Диктор монотонно зачитывал сводку о каких-то городских опытах. Не вслушиваясь, он

ткнул кнопку на корпусе чёрного пластика, обрывая поток слов.

Взгляд сам собой метнулся к окну.

— Опять забыл задёрнуть шторы, — хрипло пробормотал он, отворачиваясь к стене и натягивая одеяло до самого подбородка.

Время утекло незаметно. Стрелка часов лениво переползла за три часа дня. Телефон завибрировал у самого лица, разорвав сонную тишину. Аппарат сходил с ума от уведомлений, а за окном пульсирующее «SOS» билось в такт набирающему обороты гулу.

Сначала он услышал не сирену. Это был тот самый утробный гул, который он уже слышал раньше, только теперь он был ближе. Он нарастал, пока не превратился в вой, от которого завибрировали стёкла.

Причуда вскочил с кровати и подлетел к окну. Внизу, по улице, текла сплошная человеческая река — сотни людей, слившихся в единый обезумевший поток, мчались в одном направлении.

Телефон взорвался уведомлениями: «Убедительная просьба! Взять документы, выйти на главную площадь или проследовать в убежища. Готовьтесь к эвакуации. Сохраняйте спокойствие».

Он щёлкнул пультом. По всем каналам транслировали одну и ту же картинку: суровый диктор с окаменевшим лицом и кадры проспектов, забитых бегущими тенями. Голос дик-

тора звучал пугающе ровно, почти буднично. Речь шла о вакцине и сорвавшихся испытаниях.

Пока Причуда на автомате натягивал белую худи, чёрные джинсы и тёплую жилетку, слова из динамика сплетались с его собственными мыслями в один липкий, парализующий поток:

«Обезумевшие учёные втайне проводили опыты на людях… После утреннего рейда один из исследователей, Николас Кей, заперся в кабинете и инициировал протокол самоуничтожения лаборатории. Препарат CVX-21G выброшен над городом. Военные пострадали первыми, количество жертв растёт… Введён план эвакуации. В городе гремят взрывы, с территории объекта прорываются наёмники».

Он застыл. Странное, тошнотворное чувство дежавю ледяными тисками сжало грудь. На секунду перехватило дыхание. Мелькнула трусливая, жалкая мысль: забаррикадироваться, закрыть все окна, переждать.

Судорожно схватил телефон, накинул на шею провод наушников. Пальцы сами, до мышечной памяти, набрали знакомый номер, пока вторая рука на автомате проверяла карманы худи — ключи, зажигалка.

Гудков не было невыносимо долго. Потом в динамике что-то щёлкнуло, зашипело статикой, перекрывая даже вой сирены за окном, и пошли короткие гудки.

Причуда замер, глядя на погасший экран. Холод пробежал по позвоночнику. Сеть легла? Или обесточило станцию

метро, где бабушка?

Он сбросил вызов и нажал снова. На этот раз тишину не нарушило ничего, кроме сухого голоса оператора: «Аппарат абонента БульБабуля, выключен или находится вне зоны действия сети».

Третья попытка. Четвёртая. Результат один и тот же. В этот момент пол ушёл из-под ног, голова налилась свинцом, а виски сдавило.

— Хватит! — рявкнул он в пустоту, швырнул трубку на кровать, выдернул из розетки телевизор.

В ту же секунду телефон взорвался вибрацией. Сеть вернулась на пару минут, и экран засыпало системными сообщениями. Он открыл мессенджер. Абонент «БульБабуля» оставил голосовое.

Ткнул в него дрожащим пальцем.

— Ванечка, что-то со связью, у нас в метро бункер, сюда будут всех эвакуировать, беги скорей сюда… — раздался срывающийся, родной голос.

Причуда выдохнул так, словно не дышал всё это время. Ноги подкосились, и он тяжело рухнул на кровать.

Смахнув пелену облегчения, он пролистал оповещения ниже. Ещё одно голосовое. Дима.

— Причуда, брат, я на работе в штольнях. Тут какой-то писец. Ждём тебя.

Голосовое от Димы, брошенное посреди хаоса, гвоздём засело в голове. «Ждём тебя».

Он развернулся и подошёл к столу. Выдвинув верхний ящик, на самом дне, под ворохом старых чеков и проводов, нащупал старую карту. Карту подземных коммуникаций — тех самых Штолен, где они с Димой работали последние полгода. Сложенный в несколько раз лист лёг в карман жилетки успокаивающей тяжестью.

Нацепив на плечо полупустой рюкзак, Причуда шагнул в прихожую. Руки действовали быстрее мыслей: он рывком затянул шнурки на левом ботинке, накинул лямку рюкзака.

Как только узел на правом ботинке был затянут, мир исчез.

Грохот ударил не в уши — он вломился прямо в грудную клетку, выдавив из лёгких весь воздух. Оконное стекло брызнуло внутрь миллионами стеклянных игл. Взрывная волна швырнула Причуду о стену, вышибая сознание ещё до того, как он коснулся пола.

Не было ни снов, ни темноты. Было абсолютное, глухое ничто.

Глава 2. Штольни.

Первым вернулось ощущение холода. Ледяная плитка впивалась в щёку. Вторым вернулся запах. Удушливая смесь бетонной пыли, горелой проводки и чегото сладковатомедного, от чего к горлу подступила тошнота.

Причуда разлепил веки. Вокруг стояла кромешная тьма, прорезаемая лишь тусклым, мерцающим светом аварийной лампы гдето в глубине подъезда. В ушах стоял плотный, ватный звон, а по ногам бежал холодок. Он попытался встать, но тело отозвалось тупой, пульсирующей болью, а в голове взорвалась ослепительная вспышка.

Он оперся дрожащей рукой о стену, чтобы не упасть. Взгляд упал на экран телефона, чудом не разбившегося при падении. Тот работал, но сеть попрежнему отсутствовала.

Чтобы сориентироваться, Причуда смахнул экран блокировки. Цифры на заставке заставили его замереть: 28 февраля, 5:14 утра.

Он моргнул, не веря глазам. Снова посмотрел на экран. Потом перевёл взгляд на разбитое окно, за которым вместо дневного света стояла глухая, непроглядная темнота.

Он провалялся здесь, на полу своей прихожей, почти сутки.

Город за окном больше не выл сиренами. Там стояла мёртвая, звенящая тишина, изредка прерываемая далёким, су-

хим треском оседающих конструкций. Причуда медленно сполз по стене обратно на пол, чувствуя, как ледяной пот выступает на спине. Дрожащими пальцами он снова разблокировал телефон и, не надеясь ни на что, попытался позвонить, но безуспешно.

Он встал. Ноги не слушались, но слушался какойто другой механизм. Причуда не знал, куда идёт. Не знал, что найдёт. Знал только одно: сидеть здесь, это значит сдохнуть.

Причуда спустился по лестничной клетке к входной двери и замер. Сквозь щель чуть выгнувшейся двери он увидел двоих людей в странной военной форме — тёмносиней, пятнистой, похожей на форму людей из телевизора. Оружие висело у них за спиной, стволами вниз. Они шли вдоль дома и негромко о чёмто разговаривали, и в их походке не было ни спешки, ни тревоги.

Причуда испуганно побежал вверх по лестнице, перепрыгивая через ступени, на последний этаж, где всегда был открыт люк. Поспешно поднялся на крышу и замер у края, сливаясь с сумраком, чтобы проследить маршрут этих двоих.

На крыше было обманчиво спокойно: вдали кружили бесшумные вертолёты, их прожекторы шарили по дворам, выхватывая из темноты куски асфальта и пустые площадки. Резкий ветер бил в лицо, а в глазах отражались языки пламени — город горел изнутри. Двенадцатиэтажка Причуды была самой низкой в Нейске, жалким уступом среди гигантов, и, может, именно поэтому его пока не заметили — хотя уви-

деть нелепо двигающийся силуэт на слабо освещённой крыше было проще простого.

Он проследил, как двое в форме завернули за угол дома и скрылись. Короткий маршрут до штолен шёл через надземную стоянку спецтехники: прямо, два двора, и вот аркаопознаватель — вход. Если повезёт, через пять минут он будет внутри.

Причуда решился слезть по пожарной лестнице, звеневшей на ветру. Металл был ледяной, руки скользили и прилипали, и пару раз он чуть не сорвался, но адреналин гнал вниз. Через пару минут он уже оказался на земле и, пригнувшись, побежал к мусорному баку, что стоял через дорогу у соседнего полуразрушенного дома. Спрятался за ним, переводя дух и постоянно оглядываясь. Вонь ударила в нос — густая, сладковатая, от которой сводило горло. Она заставила его прижать ладонь к лицу, но именно это привело его в чувство: теперь он полностью отошёл от контузии.

Он убедился, что вокруг никого нет, и побежал на территорию надземной стоянки спецтехники. Здесь лежал кратчайший путь до штолен — мимо стоянки, через пустырь, и вход в склон. Машин стояло немного: какието целые, а какието дотла сожжённые — чёрные скелеты с оплавленными стёклами, выглядевшие так, будто рассыплются от первого порыва ветра. Между ними валялись осколки, детские игрушки, куски утеплителя — всё, что выбросило взрывами из близлежащих домов.

Всё шло гладко, если бы не собака. Пёс вдруг зарычал, уставившись прямо на Причуду: шерсть на загривке встала дыбом, звук вибрировал в груди, низкий и утробный. Он вскочил и побежал, перепрыгивая через хаос улицы — битый кирпич, перевёрнутые урны, искорёженный забор. Дворняга побежала не за ним, а от него — скорее всего, она тоже испугалась, но сердце Причуды всё равно колотилось так, что он слышал его в ушах. До цели оставалось всего полдвора.

Пот градом катился по спине, ноги становились ватными, его косило от страха, но взор, видевший конец пути, гнал тело вперёд. Вход в штольни. Последние шаги. Готово.

Про эти штольни ходят легенды. Она из них утверждённая правдой. Штольни тянуться не только в сторону над городом, они идут под всем городом и если они разваляться, то город рухнет в один миг, уйдёт под землю, из-за этого он и считается заброшенным.

Спустя пару мгновений он запрыгнул в узкий проход, заваленный сырыми ветками от свалившегося дерева. Железная дверь лежала рядом с входом, изувеченная: её словно выбивали и добивали кувалдой, металл был выгнут внутрь, петли вырваны с корнем. Перед ним была природная лестница из камней, уходившая вниз, в темноту. Оттуда веяло, как из погреба, куда не заходили годы. На ступенях стояли лужи, чёрные и неподвижные, как зеркала без отражений. Гдето ниже горел редкий свет — тусклый, желтоватый, буд-

то лампочка умирала уже давно.

Спустившись, он уткнулся в развилку. Времени сверяться с картой не было, штольни были его рабочим местом: он знал их, как свой дом. Но сейчас они ощущались иначе.

Развилка представляла собой небрежно вырубленные проходы в валунах — узкие, неровные, где пролезет лишь один, прижав плечи к стенам. Камень был мокрым, и на его поверхности проступали чёрные потёки. Рядом с проходами стоял столик, он был раскладной, ржавый, а на нём открытая тетрадь с ручкой. Туда записывались те, кто вошёл.

Недолго думая, он отправился по первому слева проходу. Под ногами чавкала сырая земля вперемешку со щебнем, в лужах отражался тусклый свет лампочек, которые соединялись проводами, что висели, как гирлянды: коегде облупленные, коегде закрученные изолентой, местами оголённые.

Каменные коридоры давили со всех сторон: потолок был то высоким, то внезапно опускался так, что хотелось втянуть голову в плечи. Освещение хромало — лампочки мигали, и каждый миг темноты казался вечностью, а каждый вспыхнувший свет выхватывал из мрака то трещину в стене, то потёк ржавчины, то чтото, что казалось силуэтом, но оказывалось тенью. Эта обстановка напоминала фильмы ужасов.

Осторожным шагом он спускался всё ниже и ниже. Воздух становился тяжелее, гуще. Скоро свет лампочек стал совсем тусклым и еле заметным, и Причуда достал телефон, включил фонарик. Небольшой луч света слабо освещал дорогу —

метр, от силы полтора, а дальше темнота стояла стеной. Он шёл неспешным шагом, осматриваясь по сторонам, перешагивая через потёки родников, что сочились из трещин, и заржавевшие рельсы, вросшие в землю, — остатки узкоколейки, по которой, когдато возили породу.

Пройдя в темноте буквально дватри метра, он упёрся в вагонетку, накрытую целлофаном. На целлофан капала сверху вода — мерно, капля за каплей, и звук уходил эхом, казался оглушительным, как удары метронома. На углу вагонетки стояла железная поцарапанная кружка.

Причуда положил телефон фонариком вверх, чтобы видеть свои руки, наполнил кружку из лужицы в целлофане и сделал несколько глотков ледяной воды. Холод ударил в голову, заставив её мотнуть, и его взгляд зацепился за чтото в темноте: там, за вагонеткой, мелькнул свет фонарика и тут же погас.

Прямо за вагонеткой стояло самодельное убежище — между двумя валунами, что образовывали подобие комнаты. Там спали те, кто хотел остаться с ночёвкой: инструкторы, аниматоры, игроки, что застряли в лабиринте допоздна. Две постели из поддонов стояли друг напротив друга, на них лежали подушки и одеяла. Между ними лежал камень, на который кинули фанеру, — он был вместо стола; на ней — металлическая чашка и ложка. Стены расписаны инициалами тех, кто здесь был: кривые буквы, выцарапанные гвоздём или высеченные мелом, и рядом — даты, сердечки, рожи-

цы. Грязная штора, как дверь, закрывала вход в эти хоромы. Между собой ребята называли этот уголок Шалаш.

Дрожащими руками он медленно поставил кружку, взял телефон, поднял голыш, что нащупал ботинком, и потихоньку подошёл к шторе. Причуда резко раскрыл её, мотая фонариком в разные стороны, а другой рукой готовясь ударить. Сначала он просветил кровати: на них были уложены подушки, будто ктото спал и не убрал за собой.

— Тут ктото есть? — выдавил он из себя тихо.

Провёл фонарём повторно по кроватям и по столу, остановившись на тени за столом: там торчала еле выпирающая голова.

— Стой, пожалуйста, — дрожащий женский голос зазвучал изза стола и медленно поднялась девушка, поднимая руки.

Она вся дрожала. Лицо было настолько испуганным, что Причуда тут же опустил камень на пол. На вид ей было лет двадцать: стройная, светловолосая, относительно невысокая. Одежда была вся грязная, на лице сквозь грязь виднелись потёки от слёз, волосы растрёпанные. Она смотрела на него так, будто ждала удара.

В этот момент Причуда почувствовал сильное облегчение. Он был рад, что это те, да и вообще хоть ктото живой.

— Тихо, тихо, — Причуда положил телефон фонариком вверх на фанеру и сделал к ней шаг. — Ты как тут?

Девушка вся дрожала. Она сделала два шага назад, спо-

ткнулась, чуть не упав, и упёрлась в стену.

— Присядь, — Причуда взял одеяло с соседней кровати и протянул ей.

Она опустила глаза и присела.

— Я тут давно, — вздохнула, перевела взгляд на Причуду. Дрожа, хотела продолжить, но просто снова вздохнула.

Причуда присел рядом и протянул одеяло, видя, что она замёрзла. Он знал Шалаш, как свой дом. Из-под поддона, что был кроватью, он вытащил кусок засохшего хлеба и протянул ей. Она тут же начала есть. Потом достал зажигалку и старую лампу с фитилём. Щёлкнул зажигалкой — искра, третья попытка, — поджёг фитиль и поставил на стол. Огонёк загорелся ровно, желтоватый, тёплый, и тени в Шалаше перестали качаться, замерли, и стало тише.

— Меня зовут Ваня.

— Меня Леся, — она посмотрела на Причуду и чуть ли не расплакалась. — Я подумала, что это опять они.

— Кто? — он посмотрел ей в глаза.

— Люди в тёмносиней форме. Мы с работы шли к месту эвакуации, как вдруг за нами полетел вертолёт. Он не стрелял, просто высадились эти и начали нас хватать.

Она проглотила кусок, и голос её окреп, будто еда вернула ей немного жизни.

— Мы начали разбегаться в разные стороны. Они стреляли и стреляли в нас какимито иглами… И вот, вот, я тут. Мы с подругой сюда забежали…

— А где подруга?

— Через час примерно сюда забежал отряд военных, они пытались нас вывести.

Её голос начинал дрожать.

— Появились опять… э… ктото, там они, — она вздохнула и начала плакать, схватившись за голову и наклонившись к коленям. — Они отстреливали опять, и Инга осталась у моста с остальными, а я, а я убежала и забежала сюда, и спряталась… остальные ушли кудато, в какуюто зону А, вроде.

Она разревелась уже совсем сильно и облокотилась на фанеру головой.

Причуда ничего не ответил. Он не мог представить, что и в штольни будут ктото заходить, — ещё здесь другие люди.

Огонёк на лампе горел ровно вверх, освещая Шалаш. Причуда просидел буквально две минуты, дождался, когда она успокоится, и приподнял её.

— Нам нужно идти.

Он встал и подошёл к фанере, приподнял её и вытащил оттуда налобный фонарь. Повернулся и посмотрел на Лесю, которая вытирала глаза.

— Нам надо в зону 0.03АА. Они, скорее всего, заперлись на складе.

— Я не знаю, где и что это, — чуть ли не истерически громко сказала она. — Давай лучше выйдем отсюда и пойдём в метро.

— Нет. — Он посмотрел вверх, туда, где торчали камен-

ные сосульки и на концах набиралась вода, готовая упасть.

— Снаружи ходят люди в тёмносиней форме, выйдем — и попадёмся. Пойдём на B, обойдём D. A будет совсем опасно, убежим.

Леся привстала, стёрла крошки с лица и слёзы, подошла к шторе. С надеждой спросила:

— Ты знаешь, куда идти?

— Да.

Причуда подошёл к столу и поднял свой телефон.

— Один процент зарядки, скоро выключится.

Убрал телефон в карман. Затушил лампу, оставив на столе, включил налобный фонарь и взял Лесю за руку.

— Пошли.

Первой целью была зона «B» — открытая площадка с потолочной решёткой из арматуры, через которую в штольни проникал наружный воздух и тусклый свет.

Они ушли от Шалаша направо, туда, куда вели слабо горящие гирлянды из лампочек, казалось, в бесконечный каменный проход. Прямо под гирляндами шла железная дорога для вагонеток: рельсы узкие, ржавые, местами уходящие в лужи, что стояли в выемках между шпалами. Причуда сказал ей, чтобы смотрела под ноги. Стены сменялись то каменистой породой, мокрой и бугристой, то глиной, из которой торчали корни — белые, скрюченные, похожие на пальцы, что тянулись из стен, как щупальца.

Когда железная дорога закончилась, они остановились.

Перед ними был обрыв: конец прохода обрывался в темноту, и виднелись канаты, что уходили влево, натянутые крепко, как поручни. Прямо — только чёрная пустота, и гдето далеко капала вода.

— Держись за канат и следуй чётко по нему, за мной.

— Хорошо.

Она схватилась за канат и нечаянно пнула камень, который улетел кудато вниз. Прозвучал шлепок воды — далёкий, глухой, через секундудве.

— Там глубоко?

Причуда повернул голову назад, просветив Лесю.

— Думаю, да. Не бойся, не упадёшь.

— Я не сказала, что я боюсь! — Леся невозмутимо посмотрела на него. — Просто мне интересно, как тут проводят пейнтбол. Столько рекламы видела, а тут темно.

Причуда усмехнулся.

— В 0.03АА, куда мы идём, там генератор на складе, который включает свет. То есть эти лампочки, — он показал пальцем наверх, — они горят ярко. Просто сейчас включено энергосбережение, поэтому темно.

— Понятно, — она улыбнулась и тихо произнесла, так, что Причуда не услышал: — Спасибо.

Ребята пошли вдоль канатов, периодически пиная щебень, наступая на лужи. С одной стороны — полукруглая стена из камня, с другой — канат, за которым обрыв. Причуда шёл первым, постоянно оглядываясь на Лесю, которая

шла почти вплотную к нему. Канат уходил то вправо, то влево, он был сырой, и сверху капала вода — то на голову, то за шиворот. Наконец они увидели свет и мост.

Вокруг всё выглядело атмосферно и одновременно пугающе, в светлосиних тонах. Перед ними была небольшая площадка у подножья навесного моста, что освещалась синей рудой — природным светом, который шёл от породы, вкраплённой в стены. Руда мерцала — тускло, ровно, холодно, как свет от экрана старого телевизора, и от этого мерцания стены казались живыми.

Рядом с рудой были самодельные лавочки, доска объявлений. К стенам уже ржавыми гвоздями прибиты исторические факты о создании штолен, которые были нечитаемыми: буквы выцвели, бумага отсырела и почернела. Потолка почти не было видно, лишь торчащие каменные иглы, с которых свисали капли, и в свете руды они мерцали, как зубы. А подходя к мосту, вообще сжималось всё внутри: он висел над бездной, и внизу не было ничего, только тьма. Прямо у моста лежал игрушечный крокодил, что сжимал в зубах резиновый сапог, — чейто реквизит, забытый после игры.

Сам мост словно сумрачный страж подземного лабиринта: потемневшие деревянные брёвна, массивные треугольные опоры, вросшие в скальные уступы, и тяжёлые цепи, натянутые в полумраке. Он провисал над тёмной бездной, соединяя два края, и от каждого шага по нему доски стонали так, будто жаловались.

Леся, как только увидела мост, потеряла дар речи. Отпустила канат, посмотрела вокруг. — Когда мы здесь бежали, я даже не замечала этого всего, — прошептала она. Смотрела вокруг, как ребёнок, — и на лице наконецто появилась искренняя улыбка. Девушка, ещё недавно напуганная, прятавшаяся за столом, теперь могла просто радоваться.

Причуда видел это почти каждый день — и всё равно невольно улыбался, глядя на её реакцию. — Пошли, — коротко бросил он. — Ага. А что здесь было? — спросила Леся, следуя за Причудой.

Не оборачиваясь, Причуда отвечал, глядя под ноги, чтобы не споткнуться: — Добывали руду в этой части, а за мостом, куда мы идём, — штреки, в которых добывали известняк. — Говорил с лёгкой гордостью, будто подчёркивая: мол, я тут каждый камень знаю. — Штеки что? — чуть посмеялась Леся, исказив слово и разделив его по слогам. Чуть приостановилась и провела рукой по стене с рудой, оставив светлую полосу. Причуда обернулся, увидел, что она отстала и водит ладонью по породе, радуясь, как ребёнок. — Штрек — это вот эти проходы, вырубленные человеком, — пояснил он. — Пошли. Потом проведу тебе экскурсию. — Хорошо, буду ждать, — отдёрнула руку Леся и нагнала Причуду.

Ребята вступили на мост. Он весь скрипел и тихонько раскачивался, цепи звенели, и звук разносился по штольням, многократно отражаясь от стен. Леся уже перестала улыбаться. Медленно, почти не дыша, шла по мосту, стараясь не

смотреть вниз. — Здесь… — прошептала она, и голос её дрогнул.

Причуда ничего не ответил, а просто молча посмотрел на неё. Они перешли мост и ступили на твёрдую поверхность. Перед ними были две развилки, подписанные баллончиком прямо на камнях: «B» со стрелкой в один проход и «Z» — в другой. — Нам туда, — Причуда пошёл в сторону «B».

Высокие потолки сменились низким коридором, где приходилось пригибаться. Идти становилось тяжелее: коридор шёл на подъём, он был длинным, и каждый шаг отдавался эхом, будто ктото шёл следом. Фонарик уже почти не имел смысла — лампочки, пусть и слабо, но освещали путь.

Здесь специально для жути разбрасывали кости — не настоящие, искусственные, но в полумраке они выглядели как человеческие. На камнях виднелись рисунки: черепа, руки, тянущиеся из стен, кривые надписи: «Осторожно: мины», «Выхода нет», «Ты следующий». Леся поначалу пугалась, вздрагивала, хватала Причуду за рукав, но потом перестала обращать внимание: поняла, что это декорации, и к этому можно привыкнуть. К этому — можно. К тьме, что стояла за декорациями, — нельзя.

Осталось лишь два поворота. Каменные неровности сменились землёй и глиной. Приближаясь, они услышали тление костра и храп — тяжёлый, хриплый, с присвистом, как у человека, которому снится чтото плохое. — Стой здесь. Не выходи, я проверю! — шёпотом сказал Причуда, выставив

руку перед Лесей. — Хорошо, — выдохнула она. У неё началась дрожь. Она вжалась в глину, чуть присела, стараясь дышать через раз.

Причуда выглянул. В зоне царил сумрак. Сквозь потолок пробивался слабый свет, к нему тянулся дымок — тонкий, вонючий, от сырых дров. Почти сразу на входе стоял раскладной столик: на нём — шпроты, пистолет, бутылка пива. Рядом тлело полено, а за ним, облокотившись о стену, дремал прыщавый мужик в тёмносиней пятнистой форме — такой же, как у тех, что были у дома. Руки незнакомца покрывали страшные ожоги и волдыри, кожа была багровой, вздутой, будто он хватался за чтото раскалённое. Он обеими руками прижимал к себе винтовку, а у ног валялась маска.

Не делая резких движений, Причуда подошёл к столу и взял пистолет — на него был навёрнут глушитель. Направив оружие на спящего, снял предохранитель, он прислонил дуло почти к его голове. В голове роились мысли: жутко хотелось нажать на спуск, но чтото останавливало…

Не убирая ствола, он начал медленно отходить назад — и нечаянно пнул пустую жестяную банку. — Что… А… Кто здесь? — пробурчал тот, открывая глаза.

От страха и недоумения палец нажал на спусковой крючок сам собой. Прогремел заглушённый выстрел — короткий, чавкающий, как удар кувалдой по мокрому мясу. Мужик повалился на бок с дырой в голове.

На секунду время остановилось. Причуда замер, глядя,

как из раны медленно расползается тёмное пятно. В груди всё сжалось, а в ушах застучало так громко, что перекрыло эхо. «Я убил человека», — эта мысль ударила, как пощёчина. «Нет, врага. Он бы убил меня. У него была винтовка…» — оправдания скользили по краю сознания, не в силах пробить липкий, холодный ужас.

Руки предательски задрожали. Причуду замутило, во рту появился металлический привкус, и его сразу же вырвало — на каменный пол, мимо тела, в сторону. Он сделал шаг назад, схватил бутылку пива, сделал пару глотков, споткнулся о камень и едва не упал. «Дыши, просто дыши», — шептал он, но воздух застревал в горле колючим комом. Капли пота на бровях обжигали глаза. Он смахнул их: «Не сейчас! Нельзя сейчас!» Трясло мелкой дрожью.

На автомате он подошёл к телу, выдернул винтовку и взял запасной магазин. Вязкое смятение заполнило голову. Оставалось только бежать. — Лесь, идём, — хрипло позвал он.

Из угла выбежала испуганная девушка, сразу схватилась за рот, закрыла глаза и подбежала к Причуде, схватив его за руку, не говоря ни слова.

Он бросился прочь, таща Лесю за руку. Она бежала, не отставая, но хватка её пальцев была такой крепкой, что Причуда чувствовал, как её дрожь передаётся ему через ладонь — или это его дрожь передавалась ей, он не мог понять.

Они выбежали из зоны и побежали по штреку — длинному, прямоугольному, с ровным, почти фабричным потол-

ком, какой бывает только там, где камень рубили люди, а не точила вода. Высота — метра четыре, не меньше. Лампочки опять висели высоко, и единственным источником света снова стал налобный фонарь: его луч метался по стенам, выхватывая то почерневшие брёвна деревянной крепи, просевшие под весом породы, то обвальную кучу — глыбы известняка, вывалившиеся из потолка, когдато давно. Между глыбами зияли щели, и в них стояла чернота, плотная, с точками руды.

Леся споткнулась о рельс — узкий, ржавый, вросший в пол почти заподлицо, — и Причуда подхватил её, не останавливаясь. Рельсы шли вдоль бесконечного коридора, исчезая во тьме. — Куда мы? — выдохнула Леся, голос её был тонким, сорванным. — На D. Потом — к складу.

Зона D оказалась огромным залом с высоким потолком, который терялся во тьме: луч фонаря едва доставал до свода. Там, наверху, виднелись деревянные крепи — брёвна, уложенные поперёк, просевшие, гнилые, а между ними зияли провалы, и в провалах белел шершавый камень, готовый обвалиться от чиха.

В одном углу зала высилась обвальная куча — целая гора камня, а на ней, словно на троне, стояла вагонетка — ржавая, с одним колесом, накренившаяся. В другом углу — самодельный навес из досок и брезента; под ним — столик из поддонов, кружка, моток изоленты. Стоянка. Лагерь. Но пустой.

Зал был пуст. Ни костра, ни людей, ни звука — только вечная капель с потолка да эхо их шагов, возвращавшееся от стен. Причуда пронёсся через зал, не задерживаясь, и свернул в правый проход. Леся — за ним, не отпуская его руку.

Потолок стал ниже — метра два с половиной, и Причуда инстинктивно втянул голову в плечи. Под ногами теперь был щебень, потом — глина, мокрая и вязкая; ботинки скользили, и каждый шаг давался с усилием. С потолка не просто капало — сочилось, как из мокрой тряпки. В одном месте по стене бежал тонкий ручеёк — родник, пробившийся сквозь известняк, прозрачный, холодный, с минеральным привкусом. Вода собиралась в канавке, и в ней отражался луч фонаря, похожий на глаз.

Леся прижалась к Причуде, и он чувствовал её дыхание — частое, рваное — на своём плече. — Тут темно и страшно, — прошептала она. — Знаю. — И холодно. — Я знаю. Держись за меня.

Проход вёл прямо, без поворотов. Больше не было открытых зон, залов, стоянок — только камень, дерево, вода и тьма. Последний отрезок. Причуда считал шаги. Ещё метров сто, может, сто пятьдесят — и будет последний поворот, а за ним — зона 0.03АА, склад, бетонные стены, генератор. Если они там. Если вообще «они» существуют.

Остановившись у последнего поворота, он уткнулся головой в сырые ветки с листьями. Сверху, через трещину в породе, осыпался кустарник, пробившийся сквозь известняк с

поверхности, где ещё было небо. Причуда схватился за корни, торчавшие из глины, — мокрые, скользкие, как верёвки, — прижался к стене. Его трясло. В голове было пусто и гудяще: перед глазами стоял образ тела, дыра во виске, тёмное пятно, расползающееся по камню. Он убил человека. Спящего. И теперь стоял в штольне, под горой, в темноте, которая была старше его, старше города, старше всего и трясся.

Леся встала рядом, прижалась плечом. Не сказала ничего. Просто стояла, и её плечо было тёплым, и от этого стало немного легче — немного, но достаточно, чтобы руки перестали трястись так сильно.

— Нет, ну ты чёрт, конечно, хахаха, — раздался вдруг мужской голос — беспечный, с интонацией, которая бывает только у людей, которым сейчас ничего не угрожает. Послышался второй голос, ответил чтото неразборчивое, и оба засмеялись.

Леся сжала его руку так, что пальцы хрустнули и хотела что-то сказать. Причуда зажал ей рот ладонью, прижал к стене и прошептал губами у самого уха: — Тихо.

Она кивнула.

Он невольно посмотрел за угол. Двое — в той же тёмно-синей пятнистой форме. Стояли в начале зоны лицом друг к другу, расслабленно, как на перекуре. Чудо было в том, что они не услышали шагов и шума. Один прислонился к стене — спиной к известняку. Другой жестикулировал, и в его руке блестел фонарь; луч лежал на полу, выхватывая рельсы, ще-

бень, лужу. Причуда видел каждую морщинку, каждый блик, каждую волосинку на подбородке того, кто стоял ближе. Он видел их так ясно, будто рассматривал через лупу, и эта ясность была обманчивой, потому что внутри него уже не было ясно ничего.

Это было состояние аффекта. Он не думал — не мог, не успевал, не хотел. Тело действовало раньше разума. Причуда вскинул винтовку, которую снял с первого убитого, щёлкнул предохранителем — палец нашёл переключатель машинально — и выстрелил.

Отдача ударила в плечо, выбила дыхание, и винтовка выскользнула из пальцев, загремев по полу. Звук получился металлический, лязгающий, как удар колокола. «Промазал», — мелькнуло в голове. Пуля ушла в стену, высекла искру, и каменная крошка брызнула в их сторону.

Двое резко повернулись. На секунду, на их лицах было недоумение. А потом расплылись улыбки, хищные, медленные, как у животных, которые увидели добычу. Они смотрели на испуганного мальчишку с трясущимися руками.

— Беги, — прохрипел Причуда. — Беги! — уже оглушающе крикнул он.

Она не побежала. От страха она просто впечаталась в стену, как испуганный зверь.

Причуда забежал обратно за угол. Пальцы путались, он пытался вытащить пистолет, но они не слушались, скользили по рукоятке. Шаги приближались — ровные, спокойные,

неторопливые, как будто те двое шли на прогулку.

Он вжался в стену, чувствуя, как корни царапают шею, как кора впивается в кожу. Воздуха не хватало. Лёгкие работали, но кислород не доходил, и перед глазами поплыла пелена, чёрная, густая, как та вода в штольнях, что стояла в канавках без отражений. Пелена стёрла границы, между страхом и яростью, между реальностью и бредом, между тем, кто он был, и тем, кем стал.

Леся была рядом и не двигалась. Причуда глянул на неё — и дальше уже не помнил ничего: не помнил, как вылетел изза угла, как вытащил пистолет, как снял с предохранителя, как нажимал на спуск — снова, и снова, и снова.

Мир сузился до вспышек белых, коротких, болезненных. Каждая вспышка выхватывала из тьмы то лицо, то стену, то потолок, то чьито руки. Каждый выстрел был рывком, ударом в ладонь, в запястье, в локоть. Он палил без разбора, не целясь, не видя, не понимая. Инстинкт кричал одно: выжить. Выжить. Выжить.

И вдруг два тела рухнули, словно марионетки с обрезанными нитями. Один упал лицом на рельсы, и его винтовка звякнула о металл, звук получился тихий, будничный. Другой — вбок, на щебень, и щебень хрустнул, как косточки.

Тишина, только звон в ушах, тяжёлое дыхание и гдето далеко, за стенами, капель воды. Причуда стоял, вытянув руки с пистолетом, и не мог опустить. Палец всё ещё давил на спуск, но магазин был пуст, и курок щёлкал впустую: щёлк,

щёлк, щёлк.

За спиной раздался всхлип. Леся. Он обернулся. Она стояла, прижав ладони к лицу, смотрела на тела, и глаза её были огромными. — Не смотри, — сказал он, и голос прозвучал хрипло, мёртво.

Один из упавших, тот, что лежал на рельсах, левой рукой нащупал кобуру на бедре. Рука двигалась медленно, натужно, как у человека, который не хочет умирать, но уже знает, что умирает. Он выстрелил наугад. Пуля просвистела рядом с головой Причуды, он почувствовал, как воздух качнулся у виска, и посыпалась крошка. — Вот сука, убью! — прохрипел раненый. Голос был полон ярости.

Леся вскрикнула, отшатнулась, споткнулась о тело, чуть не упала. Причуда поймал её одной рукой, толкнул за угол. — Стой. Не двигайся, — сказал он так, что она замерла.

Причуда нырнул за поворот. Лихорадочно сменил магазин в пистолете: выщелкнул пустой, вставил запасной. Щёлк. Готово. Высунулся, прицелился в того, кто ещё шевелился и нажал на спуск. Один выстрел. Два. Противник замер.

Причуда отступил назад. Убедившись, что в его сторону больше не летят пули, он медленно вышел изза угла и подошёл ко второму. Тот лежал неподвижно. Глаза были открыты, смотрели в потолок; лампочка над ними не горела.

Резкий щелчок эхом прокатился по штреку. Железная, тяжёлая дверь, врезанная в камень, со скрипом приоткрылась наполовину. Из проёма хлынул тёплый воздух, свет — яр-

кий, желтоватый. — Вставай, давай живее! — донёсся резкий крик. — Это свои!

Сжав пистолет обеими руками, Причуда замер. Он стоял и дрожал, и не мог сделать ни шага тело отказалось, выдохлось, как мотор, в котором кончился бензин. — Пошли, — прошептала Леся и потянула Причуду за собой.

За дверью развернулась картина, от которой стыла кровь. Это был склад, большой, с бетонными стенами, он казался ещё более чужим после каменных нагромождений. Трупов было не меньше двадцати — уложенных вдоль стен, накрытых брезентом; коекто был без накрытия, все были мёртвыми. Те, кто ещё дышал, сидели вповалку на ящиках и на земле. Ктото смотрел на Причуду с надеждой, а ктото с ужасом. И то, и другое было одинаково тяжело, потому что он не знал, что делать ни с тем, ни с другим.

К Причуде подошёл силуэт, до боли знакомый. — Причуда… Тебя где черти носили?! Мы с Чёрным тебя искали, — Диман сжал кулаки, потом глянул на его лицо — серое, с тёмными кругами под глазами, руки ещё подрагивали, — и осёкся. — Извини.

Причуда ответил на автомате, взгляд был пустым. — Я… дома был, — тихо пробормотал он. В голове мелькали кадры его действий, к горлу вновь подкатывала тошнота. — А где чёрный?

Дима резко поменялся в лице, — Он ушёл к метро. Эй … — посмотрел на мужика, — Осмотри его. — и тут же ушёл.

Причуда не придал этому значения и тут же подошёл какойто мужик, быстро осмотрел его и протянул руку. Вокруг суетились люди в полицейской форме, помогая Лесе. — Спасибо, — тихо сказал мужчина из толпы.

— Вы тут долго? — спросил Причуда, нервно дёргая себя за край жилетки. — Со самой эвакуации, — ответил Диман. — Тут вообще ктонибудь понимает, что происходит? — Причуда запнулся, нервно огляделся. — За мной вроде никого. — Ясно, значит, остальные ушли, — произнёс человек в полицейской форме, подходя ближе. Спокойный, собранный, высокий и статный. — Надо добраться до метро. Меня зовут Гай. Будем знакомы. — Он протянул руку.

Причуда неуверенно пожал её. На одежде и лице темнели капли крови, но Гай будто не замечал этого. — Друзья зовут Причудой, а так — Ваня, — прошептал он. — Будем, — кивнул Гай. — Ты каким путём шёл сюда? И как додумался?

Толпа смотрела на Причуду, будто он знал ответы. Он достал карту, пальцы дрожали. Прижав лист к стене, показал маршрут. — Через зону В, по первому пути. Он казался самым коротким… и безопасным. Другого выбора не было, — повторил он, опустив глаза.

Один из мужиков резко выхватил карту и впился в неё взглядом.

Диман тем временем выбежал за дверь, подобрал оружие убитых и быстро раздал стволы всем дееспособным. — Все, кто может держать оружие, подошли сюда! — скомандовал

Дима. — Нам нужно выбираться, пока не чухнули!

Один из бойцов увидел, что Причуда уставился на трупы, и сказал мягким голосом: — Мы пытались их спасти. Мы знали, что сюда побежал народ, когда начали бомбить, но на входе… Нас как псов пригнали сюда, не выпускали. — Он сильно зажмурил глаза и поднял голову к потолку. — Сутки без еды, а они ещё и глумились над мучениями: то горящую бумажку, то шашку дымовую… — Плавно опустил голову и, тихо разворачиваясь, будто не желая дальше рассказывать, выдавил: — Потом расскажешь, как ты сюда попал и кто отправил. Сейчас надо выбираться: нас ждут в метро. — Понял, — бросил Причуда без уверенности.

К ним подошла Леся: она умылась и немного собрала волосы. В свете она выглядела другой — красивой, но уставшей. Она посмотрела на Диму: — Привет, — потом перевела взгляд на Причуду. — Спасибо. — Показала пальцем на девушку: — Представляешь, она жива.

Леся подбежала и обняла Причуду так крепко, что он почувствовал, как она дрожит. Быстро поцеловала в щёку мимо губ, не целясь, и убежала обратно к подруге, не оглядываясь.

Причуда стоял, не понимая, что только что произошло. Руки всё ещё пахли порохом и чужой кровью.

Диман глянул на его лицо пустое, отрешённое и вместо расспросов закинул в зубы какую-то палку, усмехнулся — Я тут в заключении, а он шурымуры. — Я? — Причуда покрас-

нел, но улыбка не вышла. — Да ладно, шучу… И завидую.

Пришло время выбираться. Буквально через несколько минут они выстроились в колонну по двое. Впереди шли Гай и трое крепких. Сзади замыкали Причуда, Диман и ещё двое. Леся уже была гдето по центру колонны.

Причуда чувствовал, как снова теряет связь с реальностью. Казалось, это жестокая игра. Он скользил взглядом по сторонам, и понемногу приходило осознание своих действий, которые уводили его в сторону от происходящего.

Путь занял больше времени. Колонна — человек тридцать — шла в обход, задерживаясь изза раненых. Причуда с Диманом принялись травить анекдоты по привычной дороге. Смех помогал не сойти с ума.

Дима не стал говорить про их общего друга Чёрного, которого схватили. Так они добрались до выхода. Первым наружу вышел Гай. — Чисто, выходим! — сказал, и вся группа, теснясь, вышла на улицу.

Уже занимался рассвет. Все жадно вдыхали воздух, спрятавшись в тупике из домов неподалёку. Они стояли рядом, опираясь спинами на стену, и пытались отдышаться.

— Алое какоето… — Диман кивнул на небо, где солнце поднималось над руинами, окрашивая бетон в кровавые оттенки. — Как вываренное мясо.

Город выглядел мёртвым. Мост неподалёку рухнул, утянув за собой пару десятков домов. Сколько трупов осталось под завалами — никто не знал.

Метро находилось рядом с железной дорогой, километра три. Как ктото и говорил, его достроили только в одну сторону, в другую же линий не было — станции стояли пустыми коробками. Там как раз была первая станция, там работала бабушка, это вдохновляло Причуду. Солнце поднималось всё выше, отгоняя луну.

Группа двигалась медленно, перебегая от дома к дому. Вскоре многие начали отставать: ноги заплетались от усталости и голода. — Стой, — поднял руку Гай. — Привал десять минут.

Укрылись в одном из гаражей у дома. Внутри тускло светил прожектор на датчике движения, он был пустой, лишь деревянные полки по краям с инструментами. На полу валялся недоделанный скворечник и стружка. На каменной стене висела старая фотография, к которой прицепился взгляд: отец с сыном лет восьми. Под ней — рисунок на гвоздике: два смешных человечка, а под ними кривым почерком подписано: «Папе».

Причуда почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Он резко отвернулся, уставившись на свои ботинки.

— Слышь, мы тут сдохнем! — Диман уже закидывал рюкзак на плечо, стараясь не смотреть товарищам в глаза. — Я до магазина. Жрачки набрать. Мы же сутки не жрали. — Далеко? — нахмурился Гай. — В супермаркет через дорогу, — сказал Дима. Он взял с собой пистолет, а тяжёлый винторез снял и положил на ящик со стружкой. — Вам он нужнее по

массе. А я просто принесу еды. Помогу, чем смогу.

Гай лишь кивнул — в его взгляде мелькнуло понимание тяжёлого выбора. — Стой. Возьми напарника. Не строй из себя героя — это ни к чему. До метро час ходу пешком, если без приключений. — Он немного помолчал, потом усмехнулся уголком губ. — Воды не забудь. — Ладно. — Ну и куда ты без меня? — хмыкнул Причуда, тоже начав собираться. Он подошёл к Диме, нервно крутя в руках какуюто железку. — К тому же ты опять найдёшь себе приключения на ровном месте, а мне придётся тебя искать. — Разговорчики, — отрезал Гай. Тон стал приказным. — Двадцать минут. Если через двадцать минут вас нет мы идём одни.

Они вышли из гаража, осторожно прикрыв воротину. Оценив обстановку, поняли: до супермаркета по открытой главной дороге — минут пять бегом, а дворами, прячась, — все десять. «Возвращаться к этим рожам я точно не буду», — подумал Причуда, проверяя свои руки. — Я не собираюсь возвращаться, — твёрдо сказал Диман, будто читая мысли, перехватывая пистолет поудобнее. — Хочу заодно посмотреть, что стало с городом. С самого начала мне не очень нравится. — Ну ладно, — согласился Причуда, бросив взгляд на узкую тропу. — Слушай, а где Чёрный?

Дима посмотрел на друга и до конца понял, что в штольнях Причуда его не услышал и уверенно соврал: — Он в метро. — А ты почему тогда здесь? — Расскажу потом, — Дима пошёл вперёд, уходя от ответа.

Вдруг из-за угла появилась Леся. Она подбежала к ребятам. — Возьмите меня с собой! —сказала, глядя то на Диму, то на Причуду. —Я буду помогать. Я быстро бегаю, я не буду мешать!

Дима глубоко вздохнул чуть закатив глаза. — Нельзя. Тут не прогулка, тут каждый лишний шаг, это риск. Держись рядом с Гаем. Он толковый, не даст в обиду. — Но вдруг вы не успеете… Вдруг чтото случится… — Она посмотрела на Причуду — Даже если не успеем, встретимся в метро, — сказал Дима, стараясь говорить спокойно, чтобы она поверила. — У нас у всех одна цель

Леся до сих пор смотрела на Причуду, будто надеясь, что он скажет иначе. — Прости, — тихо произнёс он. — Тут правда опасно. Лучше останься. — Ладно… Только возвращайтесь. — Развернулась и сразу пошла обратно.

— Обязательно, — Дима коротко улыбнулся, глядя на уходящий силуэт. Потом посмотрел на Причуду — кажется у тебя появилась поклонница.

— Не начинай. — Причуда перевёл взгляд, бросив в скользь.

Они быстро прикинули маршрут и двинулись. Шли молча, прислушиваясь к вою ветра в проводах. — Слышишь? — вдруг прошептал Диман, замирая у пролома в заборе. — Гул…

Изза угла соседней многоэтажки вывернула группа людей

в тёмносиней форме. Никакой суеты, никаких криков — они шли плотным клином, сканируя пространство тепловизорами. — Конвой, — прошептал и замер Причуда. — Засада? Но как? — Диман прижался к кирпичной кладке. — Или просто не повезло?

Солдаты остановились. Один поднял руку к шлему, принимая рацию. Короткий писк эфира. Затем старший группы махнул рукой, указывая прямо на гараж, который они только что покинули. — Надо чтото делать, — Причуда лихорадочно шарил взглядом по двору, ища хоть какуюто подсказку. Сердце колотилось гдето в горле. — Может, обойдём квартал? Зайдём с той стороны? — Тихо, — процедил Дима сквозь зубы. В его голове уже щёлкали варианты, как в хорошо смазанном механизме. — Готовься бежать. По моей команде. Направо, через детскую площадку, в старый музей.

Он вытащил из кармана жилета тяжёлый металлический болт, взвесил его в руке и швырнул далеко вправо, в сторону ржавых качелей. Болт ударился о трубу с глухим звоном. — Контакт справа! — рявкнул Дима во весь голос, вытащил пистолет и выстрелил вверх. — Бегом!

Они сорвались с места. Солдаты рассыпались веером, пытаясь понять, откуда стреляют. Ктото дал короткую очередь по кустам, разнося пластиковую горку в щепки. Когда до них дошло, что их одурачили, командир крикнул чтото резкое в гарнитуру, и вся группа бросилась в погоню. — У них там что, чемпионат спецназа?! — выкрикнул Причуда на бегу,

перепрыгивая через поваленную арку с гирляндами. Лёгкие горели огнём.

Дима на бегу обернулся. Лицо друга было белым, губы тряслись, но глаза смотрели осмысленно. «Держится, — пронеслось в голове. — Просто устал. Ничего, я возьму на себя всё».

Они бежали к заброшенному городскому музею. Здание встретило их распахнутыми объятиями. Фасад украшали полуобвалившиеся колонны, а окна были заколочены досками, коегде пробитые пулями. По пути пришлось перелезать через упавшее дерево. — Блин, надо бросать курить! — выдохнул Диман, прыгая через дерево и ныряя в кусты. — Ага, — буркнул Причуда, спотыкаясь о корни.

Диман выглянул изза ствола. Времени не было. Они рванули вдоль фасада и нырнули в открытую дверь с торца здания. — Прячься за дверь! — Дима дёрнул Причуду за рукав, затаскивая в темноту.

Тем временем группа, что была в гараже, услышала выстрелы и крик Димы и быстро воспользовалась ситуацией. У них как будто открылось второе дыхание. Все очень быстро выбрались из гаража и побежали. Те самые пару минут, что ребята им дали, спасли им жизнь.

Когда мимо Димы пробежал один из преследователей, он выждал секунду, прицелился и выстрелил одиночным в ногу бойца. Тот вскрикнул и упал, схватившись за бедро. Но вместо крови на синтетической ткани проступило лишь тём-

ное пятно — резина или пластик. — Что за чёрт? — выдохнул Диман, передёрнув затвор, и взбесился. — Резиновая?! У меня же был боевой…

— Что происходит? — Причуда начал шарить по карманам прижавшись к стене, в надежде найти хоть что-то.

Изза угла вылетел прозрачный цилиндр с сизой жидкостью внутри и ещё один — с порошком. Первый не шипел, просто мягко стукнулся о ступени и выпустил облако густого сизого дыма со странным приторносладким запахом жасмина. А второй будто ждал очереди — просто лежал.

— Газ! Задержи дыхание! — крикнул Диман, срывая перчатку и прижимая ткань куртки к лицу друга.

Но Причуда успел вдохнуть. Мир начал плыть. Мышцы ног мгновенно ослабли, превращаясь в холодец. Он попытался отползти, но тело больше не слушалось команд мозга. Он начал падать на пол, отбивая бетон ногами.

Дима дёрнул его в сторону, сбивая с траектории падения, и сам упал сверху, накрывая собой. — Держись, братишка… Дыши через рукав…

Изза угла выскочили фигуры. Они двигались в Диминых глазах странно — плавно, текуче, облачённые в глухую тёмносинюю форму, а на лицах были противогазы. Дима из последних сил открыл огонь по плавающим фигурам. Выстрелы грохотали оглушительно, но боец перед ним лишь дёрнулся, когда пуля попала ему в плечо — она завязла в композитном щитке на предплечье, не сбив его с шага. Второй

выстрел ушёл в молоко: руки уже начинали дрожать, отравленные сладким газом.

Фигуры, что были перед ними, скрылись за выходом, и чтото пропищало — это сработал второй цилиндр с какимто порошком.

Здание содрогнулось. Второй цилиндр сначала разлетелся на части и сработал. Сначала поднялся столб белой пыли. Пространство сжалось. И тут пришла за ним вспышка — яркая, белая, физически болезненная даже сквозь закрытые веки. Светошумовая взорвалась прямо у двери. За ней последовал тяжёлый хлопок электромагнитного импульса: лампочки над дверью лопнули, посыпав ребят стеклянным крошевом. Ударная волна раскидала их по сторонам. В ушах стоял невыносимый высокочастотный звон.

Дима был почти в сознании и попытался встать, но грубая рука ухватила за волосы, заставляя поднять голову. Перед глазами мелькнули тёмные силуэты в броне. Фигуры двигались деловито, без суеты. Его рывком подняли на ноги. Ноги подкосились, и если бы не захват, он бы снова рухнул на пол. Взгляд был острым, злым, полным бессильной ярости. Он чтото выкрикнул — ругательство или имя Причуды, — разобрать было невозможно, слова утонули в звоне контузии.

У Причуды же мир плыл мутными пятнами. Чьито жёсткие руки схватили за плечи, подняли вверх и снова швырнули лицом в бетонную крошку. На запястьях щёлкнул металл. Тело превратилось в мешок с песком.

Потом всё окончательно накрыла ватная тишина. Лишь фрагменты: как их тащили на улицу прочь из здания. Музей, старый и величественный, ставший хорошей идеей, теперь превратился в ловушку.

Люди в тёмносиней форме ещё долго осматривали музей. Им казалось, что ребята были не одни. Они обыскивали территорию, оцепляли район в поисках людей, но не нашли никого и пришли к мнению, что другие ушли.

Дима и Причуда, которого звали Иван, одной своей выходкой и героизмом дали группе уйти. Кто знает, что бы было, если бы не неусидчивый друг Причуды, решивший погулять. Возможно, поймали бы всех.

Глава 3. Плен.

Причуда очнулся в кровати, в тесном помещении, напоминавшем больничную палату, только без окон, лишь одна вентиляционная решётка у стены, массивная, из серого металла, с едва слышным гулом лопастей. Стены были выкрашены в светло-бежевый цвет. На них висели плакаты с правилами гигиены: «Мойте руки до и после процедур», «Не прикасайтесь к оборудованию без разрешения», «Соблюдайте тишину в ночное время».

В воздухе витал странный запах, это смесь гнили и резких медицинских препаратов, от которого першило в горле и хотелось закашляться. По углам громоздились люди, одетые в синие однотонные костюмы: ткань казалась жёсткой, почти пластиковой, а на спинах — заметные нашивки с буквенно-цифровыми кодами: «18 В», «24 В», «10 В», «12 В». На Причуде был номер 09, на Диме номер 23.

В конце комнаты по двум сторонам стояли двухъярусные кровати с белым бельём: простыни были натянуты туго, без единой складки. По центру палаты стоял столик с поцарапанной поверхностью, на которой виднелись чьи-то выцарапанные инициалы и непонятные символы. Рядом с ним — четыре стула: два шатких, с расшатанными спинками, и два более крепких, будто их специально оставили для «важных» разговоров. На столе лежала стопка потрёпанных журналов с

оторванными обложками и пустая пластиковая бутылка. Общая площадь помещения едва ли превышала двадцать квадратных метров.

Когда у Причуды сознание окончательно вернулось, сквозь назойливый звон в голове он приоткрыл глаза и увидел, что Дима уже сидит на кровати напротив, облокотившись на стену, встряхивая головой. Причуда приподнялся и сел, приняв странную позу, напоминавшую позу Будды: ноги поджаты, спина прямая.

Перед ним тут же возник парень, примерно его возраста. Тот смотрел пристально, не отводя взгляда, и протягивал флягу с водой: крышка была чуть приоткрыта.

— Очнулся? Хорошо вас приложило, кажется, — произнёс парень с сильной, чуть наклонив голову. — Ты меня не узнал… Мы учились вместе. Я Серёга. Ну, помнишь, в десятом классе я ещё вечно опаздывал, а ты мне конспекты давал?

Причуда хотел было что-то ответить, но просто посмотрел ему в глаза, лишь кивнул, взял флягу и сделал пару глотков: вода была тёплой и отдавала хлоркой.

— Дай ему в себя прийти, он ещё не одупляет, что происходит, — раздался противный, чуть хриплый голос откуда-то сбоку.

Это был седой дед, который всё это время сидел в углу, крутя в руках миску из-под еды: она была поцарапанной, с вмятиной на боку, будто её не раз роняли.

— Да, похоже на то-о, — чуть протянув последний слог, согласился Серёга, опуская взгляд на флягу. — Я вообще думал, что ты жмурик. — Снова подал голос Серёга, уже смотря на Диму. — А ты как, Диман? В порядке? Помощь нужна? Может, воды? Или хотя бы просто посиди, не двигайся.

— Нет, просто голова болит, спасибо, — отозвался Диман, поморщившись. Он покрутил головой и провёл ладонью по лицу. — Мы где вообще? Это не больница, я чувствую. Тут… слишком тихо. И пахнет неправильно.

— Добро пожаловать в лабораторию, — спокойно ответил дед, не переставая вертеть миску. Его пальцы двигались размеренно, будто он считал обороты. — Хотя, если честно, я сам не уверен, что это именно она. Тут всё какое-то…

— Где?! — Голос Димы сорвался на крик, перебив деда. — Это далеко от метро? Как мы сюда попали?! И лаборатория же была стёрта!

— Была, но, видимо, не до конца, — сказал Серёга и тут же встал, сжимая руки в кулаки. Его плечи напряглись, а голос начал грубеть. — Мы все сюда попали неизвестно как. Все в одной форме, заставляют пить какую-то дрянь… — Он запнулся, потёр плечо, где остался след от укола, и тихо добавил. — После укола я три дня провалялся. Снились чужие сны. Не мои. Будто кто-то вставил мне в голову чужую память и крутил, как плёнку. — Он замолчал и отвернулся.

— Заткнись, ц, — с одной из дальних кроватей прокричал голос — низкий, грубый, строгий. — Не грузи их. Пар-

ни только очнулись, ц. Тут и так крыша едет от тишины и от тебя, не надо ещё и паники добавлять. — Лицо под стать голосу, серьёзное, оно выглянуло со второго яруса кровати.

Серёга замер, стиснул зубы, потом медленно разжал кулаки и опустил плечи. — Прости, дядь Кросс, — буркнул он, глядя в пол. — Просто за три дня это единственное, что меня обрадовало.

— Да не племянник ты мне, ц, — потихоньку свесил ноги с кровати. — И называй меня просто Кросс. — Тяжело вздохнул. — Чёрт… ц.

Причуда уже привык к обстановке: было тревожно, но не враждебно. Когда они замолчали и повисла тишина, он просто подложил подушку под спину. Дима встал и, чуть прихрамывая, подошёл к двери и повернулся ко всем:

— Меня интересует вопрос! Что это за лаборатория, о которой я никогда не слышал? Что за сыворотка? И кто такой, к чёрту, этот Николас?! И как мы сюда попали?

Кросс, мужчина лет сорока, что был на койке, только хмурился, будто пытался выцепить из памяти.

— Этими вопросами все задаются, ц. А попали сюда как и ты поймали, усыпили, переодели. — Посмотрел на Серёгу, у которого глаза бегали туда-сюда. — Ц, сколько лет живу в городе, работал в ментуре, не слышал даже.

Причуда молча встал, притянув к себе взгляды, и подошёл к столу, на котором в беспорядке валялись журналы. Он начал быстро листать страницы, вглядываться в строки и бук-

вально через пять секунд позвал всех

— Эй, люди! Слушайте меня! Я вот задумался о прошлом, пытаясь вспомнить что-либо. От нас всегда скрывали, но вдруг кто помнит, как всё было до Нейска? До того, как город построили? Кто помнит, какой была жизнь за стенами, до 2031 года? — Он тяжело вздохнул и окинул всех растерянным взглядом. — Просто нигде, ни в школе, ни дома, я ничего не слышал. Всегда и всюду, даже в истории, у нас один Нейск. Даже бабуля моя не смогла мне ответить.

Его слова повисли в воздухе, тяжёлые и странные. Люди начали собираться вокруг: кто-то тёр виски, кто-то смотрел на него так, будто тот заговорил на чужом языке.

Тут к столу подошла девушка — лет двадцати трёх, стройная, высокая, с ямочками на щеках, русыми волосами, собранными в небрежный хвост, и большими зелёными глазами, под которыми виднелись веснушки. Дима, едва увидев её, на секунду забыл обо всём: она была красива той спокойной, естественной красотой, которая цепляет с первого взгляда. Но тревога быстро вернула его к реальности.

— Ты кто? — спросил он, чуть не подавившись слюной.

Девушка посмотрела ему прямо в глаза.

— А ты? — ухмыльнулась. — Я Николь. Тоже ничего не слышала, да если честно, даже не интересовалась. — Она зевнулась, нахмурилась, словно пытаясь ухватить ускользающую мысль. — Ни-че-го. Пу-сто.

Рядом встала женщина лет сорока пяти, с помятым от по-

душки лицом. Она обвела всех взглядом и тихо сказала.

— Я тоже. Вообще ничего. Будто моя жизнь началась, когда я уже была здесь, в городе, хотя его основали задолго после моего рождения.

К ним подошёл дед, облокотился на спинку шаткого стула двумя руками, который тут же подал скрип.

— Что за шутки? — проворчал он. — Я полжизни прожил в Нейске, с самого его основания в 2031-м, даже строил его. А до этого… — он замолчал, нахмурился, потом вдруг растерянно, тихо добавил: — А до этого… Не помню.

Дима переглянулся с Причудой и Серёгой: они родились в Нейске и никогда не выходили за стены. Думали, что у старших есть истории, воспоминания. Но теперь становилось ясно: никто ничего не знает.

Причуда снова склонился над журналами, листал страницы и что-то бормотал себе под нос, потом вдруг замер и поднял голову.

— Тут что-то есть, записи про город, — сказал он глухо. — Так, — он повёл по строчке пальцем, — про шесть мостов, про стены. Но ни слова о том, что было до. Как будто Нейск всегда был. Как будто ничего другого и не существовало.

Кросс спрыгнул с кровати, подошёл, почёсывая пальцами щетину. Он тоже раздумывал про лабораторию, про учёного Николаса, который якобы взорвал лабораторию, про свою прошлую жизнь, про мир за стенами. Но чем сильнее они

напрягали память, тем гуще становилась пустота. Лица становились всё более растерянными. Будто весь мир до Нейска просто перестал существовать или никогда и не был.

Причуда судорожно листал журнал, будто надеялся найти в нём хоть какую-то подсказку, способную объяснить, что вообще происходит. Его пальцы нервно барабанили по столу, выдавая внутреннее напряжение, а взгляд то и дело метался от одной страницы к другой, не задерживаясь ни на чём.

— Да тут ничего нет! — чуть злясь, он закрыл журнал и сверху хлопнул ладонью. — Ни намёка, ни зацепки!

Дима ходил из стороны в сторону по палате, меря шагами небольшое пространство, словно зверь в клетке. Его движения были резкими, порывистыми, руки он держал за спиной.

— Вычистили или никогда и не было, у всех, — процедил Дима, остановившись на мгновение и сжав кулаки. — Нас держат в неведении специально. Это часть какого-то заговора?

Остальные громоздились возле стола, сбившись в тесную кучку, и на фоне их напряжённой тишины громко звучали обрывки фраз: они бурно обсуждали ситуацию, но в итоге каждый раз приходили к одному и тому же выводу: ничего не понятно.

— Может, мы просто не там ищем? — предположила Николь, теребя край рукава.

— В чём искать? В облупившейся краске, ц? — фыркнул

Кросс. — Тут даже часов нет, чтобы время считать, ц. Мы вообще не знаем, сколько уже здесь… Лишь наш сказочник про три дня болтает.

Их бурное обсуждение прерывает звонкий короткий пик сенсора с той стороны двери: звук прозвучал так неожиданно, что у всех внутри всё сжалось. В палату зашли трое: один учёный — противный, мерзкий тип в очках, с россыпью прыщей на лице, одетый в белый халат, который выглядел так, будто его не стирали неделями, — и двое вооружённых в тёмно-синей форме, с полностью скрытыми лицами. Их движения были отточенными, холодными, лишёнными всякой человечности. Они начали грубо командовать, расставляя всех по местам, словно перед ними были не люди, а бездушные фигуры.

— Лицом к стене! Руки за голову! — рявкнул один из охранников; голос звучал глухо из-за маски. — Без резких движений!

Дима попытался сопротивляться, рванулся вперёд, выкрикнул что-то гневное, но его быстро подавили. Двое в форме действовали слаженно, без лишних слов скрутили его и поставили в ряд вместе с остальными.

— Руки, обнаглел?! — выкрикнул Дима, дёргаясь в хватке охранников. — Мы люди, а не скот!

— Здесь? Ошибаешься. Ты просто номер, — холодно бросил учёный, скользнув по нему безразличным взглядом. — И будешь делать то, что скажут, либо убью.

В воздухе повисла тяжёлая, давящая тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием и тихими всхлипами кого-то из ребят.

Учёный начал зачитывать список всех семерых, кто находился в палате. Он не называл имён, а только номера на одежде, произнося их монотонно, без малейшей интонации, будто зачитывал инвентарную опись: — Объект 17 В. Объект 23 В. Объект 09 В… — голос его звучал механически, словно он повторял заученное.

Затем он приказал охране вывести всех в холл и буркнул в рацию. — Новые группы сформированы.

Ребятам натянули мешки на голову и связали руки. Шаги по коридору казались бесконечными, время растянулось, превратившись в тягучую, мучительную череду секунд. Они шли минут пять-десять, спотыкаясь о невидимые препятствия, слыша только гулкие шаги охраны.

Внутри мешка тьма была абсолютной, и от этого реальность будто сузилась до одного ощущения: жёсткой верёвки на запястьях и чужого, равнодушного присутствия рядом.

— Держитесь ближе, — прошептал Причуда, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Не теряйте друг друга.

— Легко сказать, — отозвался Дима. — Тут хоть руку протяни — и уже не поймёшь, где конец верёвки, а где… — Не успев договорить, прозвучал хлопок удара, и он замолчал, лишь фыркнув.

Наконец ребята оказались в просторном помещении. Ко-

гда с них сняли мешки, перед ними открылась картина. Помещение было огромным, с высокими потолками и стенами из гладкого серого бетона, лишённого каких-либо украшений или окон. Вдоль стен тянулись ряды металлических шкафов и ящиков, а в центре стояли несколько массивных аппаратов, назначение которых оставалось загадкой. Свет был холодным, резким: он безжалостно высвечивал каждую деталь, делая обстановку накалённой.

Перед ними стояли колонны пленных, человек сто, не меньше, а их костюмы были разных цветов, каждый цвет был под своей буквой: кто-то в жёлтом, кто-то в оранжевом, а кто-то в тускло-сером и так же по шесть-семь человек.

Николь невольно придвинулась ближе к Диме, её пальцы вцепились в его рукав. — Где мы? — прошептала она. — Что это за место? — Но вопросы остались без ответа.

Ребят сразу же поставили в очередь к колоннам. Вокруг тут же сомкнулось кольцо военных, их было много, слишком много, чтобы даже думать о попытке побега. По одному их подводили к сканеру. Странное устройство с узкой прорезью, куда нужно было засовывать руку, запястьем вверх. Сзади люди смотрели, как другие суют руки, загорался экран, и он вспыхивал то зелёным, то красным. Те, у кого загорался красный, тут же уводились в одну сторону, а те, у кого зелёный в другую.

Дима, Николь и Причуда оказались в зелёной группе, а Серёга, Кросс, дед и женщина в красной. Их взгляды на

мгновение встретились, в них мелькнул безмолвный вопрос: «Что с нами будет?», но никто не успел ничего сказать, потому что их тут же растащили в разные стороны.

— Эй, уроды! Что вам нужно?! — крикнул Дима, пытаясь вырваться из хватки охранника.

Но его уже тянули прочь, и голос растворился в гулком пространстве зала.

После того как все колонны развели по сторонам, открылись двое ворот перед каждой из шеренг — массивные, тяжёлые, с глухим лязгом отъехавшие в стороны. Причуда зашёл в ворота первым из ребят, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле; за ним шли Дима и Николь. Внутри уже ждали: без лишних слов им сделали носильные прививки. Холодные иглы вонзились в кожу, а жидкость, попавшая в кровь, начала действовать почти мгновенно. В голове всё поплыло, мысли стали тягучими, словно в густом сиропе, реальность начала искажаться, распадаться на фрагменты.

— Что… что это? — пробормотал Причуда, чувствуя, как пол уходит из-под ног. — Что они вкололи?

— Не знаю… — голос Николь звучал издалека, будто сквозь толщу воды.

— Причуда! — Дима крикнул сзади, пытаясь опять вырваться, но безуспешно. — Не тронь меня!

Диме тоже сделали укол, и мир вокруг закружился в безумном вихре, а затем всё резко потемнело.

Когда сознание вернулось, Причуда обнаружил, что сно-

ва находится в той же палате, на той же койке. Всё было на своих местах: стол, стулья, те самые журналы, которые он так судорожно листал. В голове пульсировала странная, чужеродная мысль, которая никак не хотела уходить. Он посмотрел по сторонам и увидел сидящих Диму и Николь.

— Выспался? Мы вернулись втроём! — произнесла Николь, посмотрев на приподнимающегося Причуду.

Дима медленно покрутил головой, немного улыбаясь.

— Как на курорте, спит и спит, — тихо сказал он.

— Хорош бурчать, — посмотрел на Николь, сев уже на край кровати. — Меня, кстати, Иван зовут, а это…

— Знаю, — его перебила Николь. — Мы часа полтора назад проснулись.

— Понял, — Причуду чуть взбесил её тон, но виду не подал, лишь подумал про себя: «То она боится, то ведёт себя как королева».

Причуда молча встал, взял в руки журнал. Страницы были будто пусты, а в голове что-то поменялось. Он потёр плечо, где ещё пульсировала боль от укола, и медленно огляделся. Хоть и палата была той же — те же облупившиеся стены, тот же тусклый свет, падающий из зарешечённого окна, тот же запах, въевшийся в каждый угол, — но что-то неуловимо изменилось.

Дима встал у стола перед Причудой, облокотившись двумя руками. Его взгляд метался по палате и возвращался на друга.

— Как думаешь, что за укол? — сморщив лицо. — Мы были в том зале, нас сканировали, делали уколы… Теперь мы тут, после укола я ничего не помню. — Вдох и небольшой смешок. — Как-то я часто стал вырубаться.

— Не знаю, но внутри всё горит. — оторвав взгляд от журнала, посмотрел на Диму.

Николь легла на кровать, вытянув руку под подушку, она была намного спокойнее парней.

— Или было, — произнёс Причуда, и голос его прозвучал тихо и медленно.

Он поднёс руку к виску: в голове кружились обрывки образов, холодные стены зала, резкий свет сканера, лица учёных, лишённые эмоций, и тот момент, когда игла вонзилась в кожу. Он пытался ухватиться за что-то, разгадать в этом.

— Просто… бред… — Он сделал шаг от стола, и пол скрипнул под его ботинком: звук отозвался в тишине.

— Ну всё, чекнулся… — Николь засмеялась на кровати.

Дима засмеялся с ней.

Внезапно из коридора донёсся знакомый короткий пик сенсора. Все трое замерли, будто кто-то дёрнул невидимые нити, удерживающие их в неподвижности. Дверь медленно распахнулась, и на пороге снова появился тот самый учёный. За его спиной, как тени, стояли двое в тёмно-синей форме, их лица по-прежнему скрыты.

Учёный скользнул взглядом по комнате, будто оценивая расстановку фигур на шахматной доске, и едва заметно

усмехнулся так, что у Причуды по спине пробежал ледяной озноб.

— Вижу, все пришли в себя, — произнёс он ровным, почти будничным тоном, словно они только что проснулись после обычного медосмотра. — Прекрасно. Это уже прогресс. Переходим ко второму этапу.

— К какому ещё этапу? — голос Николь прозвучал уверенно, она села на кровать. — Что ты с нами делаешь? Где остальные?

Учёный не спешил отвечать. Сначала подошёл к столу, держа в руках планшет, и, не глядя на них, произнёс: — Вы часть эксперимента. И чем быстрее вы это примете, тем проще будет всем. Особенно вам.

В этот момент Причуда заметил что-то неладное в голове. Залип в стену, все звуки пропали. Он вглядывался в едва заметную трещину на стене, которая, казалось, раньше не была такой длинной. Она тянулась от потолка к полу, словно тонкая вена. И вдруг ему показалось, что по этой трещине пробежала едва уловимая тень, будто что-то шевелилось за стеной и тут же начался залп непонятной информации.

Учёный поднял глаза от планшета и посмотрел прямо на Причуду, у которого расширились зрачки. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на интерес, но не человеческий, а холодный, научный, как у исследователя, наблюдающего за редкой мутацией.

— Оу, ты уже чувствуешь, да? — спросил он, чуть накло-

нив голову и приподняв очки. — То, что поменялось внутри. Это… ценно. Очень ценно. Твои друзья тоже скоро начнут! — Сразу сделал пометку в планшете.

Причуда хотел возразить, сказать, что не понимает, о чём речь, но слова застряли в горле. Вместо этого он почувствовал, как внутри поднимается волна мыслей, смешанная с любопытством.

— Что поймём? — Дима уже без агрессии смотрел на учёного.

— Сказал же, поймете. — Очкарик посмотрел на Николь, и опять что-то записал в планшет.

Николь схватилась за край одеяла лежавшего рядом и чуть повышенным тоном спросила. — Мы в лаборатории? Если да, то она была же разрушена. — Слезла с кровати.

Очкарик убрал планшет, почесал затылок и ответил нехотя, развеяв ещё больше загадок. — Всё это была иллюзия, все.

Охранники сделали шаг вперёд, смыкая кольцо. Учёный скрестил руки на груди, словно наслаждаясь моментом, но уже через мгновение направился к выходу.

— Сейчас вы пройдёте ещё один тест, — объявил он, даже не глядя. — На этот раз вы, возможно, умрёте. И поверьте, результаты будут… весьма показательными.

Они вышли, оставив их в палате. Дверь захлопнулась с глухим стуком. И в тот же миг свет в палате мигнул, один раз, второй, а потом погас.

Тьма повисла, окутав палату тишиной, вентиляция перестала тянуть, а в ушах пробивался едва уловимый шипящий звук, будто где-то рядом медленно стравливали газ из баллона.

— Они выпускают что-то, — Николь в темноте начала двигаться, шарила руками перед собой, пытаясь нащупать хоть что-то знакомое, край кровати, стену, чьё-то плечо.

Причуда побежал на память к столу и на ощупь нашарил потрёпанный журнал, скомкал его и рванул к вентиляционной решётке. Пальцы скользнули по холодному металлу, царапнули жёсткие прутья, он проверил, работает ли она.

— Держите ткань у лица! Вентиляция отключена. — Он оторвал кусок от рукава майки, расстегнув кофту, разорвал пополам, прижал к носу и рту, потом сделал пару шагов назад, нащупал руку Николь, вложил в неё вторую часть. — Дыши через это! Хоть немного задержит!

Дима, стоявший ближе к двери, глухо выругался, но тут же последовал совету, сорвал с себя рукав, плотно прижал к лицу и на ощупь пошёл к ребятам.

— Причуда, дай голос, — прохрипел он, голос звучал глухо сквозь ткань.

— Мы тут, — сказала Николь.

— Дим, тот же сладкий привкус, что и тогда, — Причуда спиной упёрся в угол кровати. Холод металла немного отрезвлял, возвращал ощущение реальности.

— Но, если это тест, о котором говорил учёный… зна-

чит… — Его перебил звук.

В темноте что-то щёлкнуло. Где-то в углу, у самой стены, вспыхнул тусклый красный огонёк, крошечная точка, похожая на глаз невидимого зверя. Камера.

Николь всхлипнула от неожиданности, но тут же подавила звук, сжав зубы. Её пальцы впились в предплечье Димы, ногти впивались в кожу, но он даже не поморщился. Причуда вцепился в кровать.

— Они смотрят, но зато у нас теперь есть свет. — Николь отцепилась от плеча Димы и побежала на звук спуска. — Я закрою тряпкой выпуск, Дима крути как-нибудь вентиляцию, Ваня, помоги ему.

— Хорошо, — сказали они в один голос.

Шипение становилось громче. Воздух теперь казался тяжёлым, густым, как сироп, и каждый вдох давался с трудом. Странное было то, что кроме тяжёлого дыхания ничего не происходило.

Николь убрала ткань с лица и начала на неё плевать, поднимаясь на ощупь на второй ярус кровати и начала водить рукой по потолку. Дима дёрнулся вперёд, нащупал стул, с грохотом ударил его о стену, красный свет помог всё разглядеть, а звук разлетелся по комнате.

— Эй! — крикнул Дима в темноту. — Причуда, пошли.

Причуда подбежал к Диме, они взяли палки от разлетевшегося стула и двинулись к вентиляции, начиная её понемногу крутить. Смысла от этого не было.

Где-то за стеной, казалось, кто-то тихо хмыкнул или это был просто скрип вентиляции? Николь нащупала отверстие, откуда выходил воздух, и закупорила его тряпкой. В этот момент красный огонёк камеры мигнул и погас, в тот же миг шипение прекратилось.

Тишина обрушилась на них, оглушающая, звенящая, как после сильного удара по голове. Вентиляция загудела, откидав палки в разные стороны. Свет вспыхнул так резко, что все трое зажмурились, прикрыв глаза руками. Дверь начала щёлкать, а теперь на столе откуда ни возьмись лежал новый предмет, небольшой металлический кейс, блестящий, с цифровым замком.

На крышке была выгравирована надпись: «Этап 7. Доступ — по команде». Дверь снова пискнула.

Учёный вошёл первым, всё так же спокойный, будто ничего не произошло. За ним, как тени, следовали охранники, они все были в противогазах. Он остановился у стола, посмотрел на Николь, потом на кейс, потом медленно перевёл взгляд на Причуду и на Диму. В его глазах за стеклом мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

— Вижу, вы быстро осваиваетесь, теперь даже угарный газ не подействовал, — произнёс и переключил взгляд на сидящую на втором ярусе кровати Николь. — Ты быстро нашла решение, под действием газа. Это… хорошо. Значит, твой когнитивный отклик выше среднего. Но закрыть выпуск тряпкой плохая идея, лучше сделать зубочистку.

Дима шагнул вперёд. — Что в кейсе? — спросил он, делая медленные шаги вперёд, пытаясь нагнать страх. — Ещё один «тест»? Или наконец скажешь, что происходит?

Учёный не спешил отвечать, не обращая внимания на Диму. Он провёл пальцем по крышке кейса, подойдя к нему, словно проверяя, нет ли на ней пыли.

— В кейсе, — наконец произнёс он, — лежит то, что поможет вам лучше понять своё место в этом эксперименте. Но откроете вы его только тогда, когда прикажут. А пока… — он сделал паузу, и в этой паузе повисло что-то тяжёлое, неизбежное. — Пока вы останетесь здесь. И будете ждать следующего этапа.

Охранники снова заняли свои места у двери, неподвижные, как статуи. Учёный ещё раз скользнул взглядом по троим пленникам, по их напряжённым позам, по тёмным кругам под глазами и вышел, оставив после себя только запах антисептика и ощущение, что самое страшное ещё впереди.

Когда дверь захлопнулась, в комнате повисла тишина. Но теперь она была другой, не пустой, а наполненной невысказанными вопросами, страхом и… странным, горьким чувством победы.

Причуда медленно подошёл к столу, остановился в шаге от блестящей металлической коробки. Его пальцы дрогнули, потянулись к замку, но замерли в сантиметре от него.

— Не трогай, — тихо сказал Дима, голос звучал устало. — Не сейчас. Сначала надо понять, что это. Может, там ло-

вушка.

Николь спрыгнула и подошла, её глаза были красными от напряжения. Причуда опустил руки, сжал их в кулаки, посмотрел на ребят, на их измученные лица, и тихо произнёс.

— Чёрт.

Прошло несколько дней или часов, никто уже не мог сказать наверняка. Время здесь теряло смысл: ночь отличалась от дня лишь тем, что приглушали свет и включали камеру, а её красный огонёк загорался в углу, наблюдал.

Каждые несколько часов в палату входил тот самый учёный с безразличным взглядом. Он молча сканировал их каким-то прибором, делал пометки в планшете и уходил, не отвечая ни на один вопрос. Еда была такой же безмолвной частью этого: пластиковый поднос с безвкусной кашей, кусок чёрствого хлеба, вода с резким привкусом хлорки. Всё это подавалось без слов, как псам.

В туалет их водили по одному, надевая на голову плотный мешок. Из-за этого Дима никак не мог толком изучить планировку: он мерил шагами коридор, прокручивал в голове десятки вариантов побега, но каждый раз упирался в одну и ту же стену, он не знал, что находится за дверью.

В очередной раз вспыхнул приглушённый свет. Николь и Причуда уже спали: Николь свернулась калачиком, уткнувшись в жёсткую подушку, а Причуда раскинулся на койке, будто пытался занять как можно больше пространства, чтобы не чувствовать себя запертым. Дима не спал. Он ле-

жал, уставившись в потолок, где тонкая трещина извивалась, словно змея, и пытался найти в её изгибах какой-то знак, подсказку.

Вдруг кровать резко вздрогнула. Причуда подскочил, будто его ударило током, и сел на краю, тяжело дыша. На лбу у него блестели капли пота, руки мелко дрожали.

— Причуда, ты чего пугаешь? — Дима резко повернулся к нему, поддёрнув подушку под локоть.

— Я вижу… — прошептал он, и его пальцы судорожно вцепились в собственные коленки. — Вторую ночь подряд. Всё так отчётливо…

Николь тут же проснулась, приподнялась на локте, сонно щурясь в полумрак. — Что именно?

Причуда сглотнул, его взгляд метался по комнате, как у безумца.

— Скоро будет ещё один тест, этап… Мы не выживем, вижу, как наши трупы везут на тележках в какую-то лабораторию, где пробирки с красными жидкостями. Вижу выход из лаборатории… — Он с ужасом посмотрел на ребят, его голос дрожал. — И вижу всё от третьего лица, вижу свой, — ткнул пальцем на Диму, — твой труп…

Николь потёрла лицо, будто пыталась стереть остатки сна, и тихо выдавила.

— Как-то мрачно. — Она отвела взгляд. Она не хотела говорить ребятам, что с ней тоже что-то происходит, но она не понимает, что.

Дима резко сел, спустил ноги на пол и подался вперёд. — Это интересно, — проговорил он, и в голосе прозвучала не надежда, а холодная сосредоточенность. Он встал, подошёл к Причуде и наклонился, чтобы заглянуть ему прямо в глаза. — А над коридорами была вентиляция? Куда она сворачивает?

— Не знаю точно, кажется, к нам, — признался Причуда, и его пульс участился, кровь застучала в висках.

Дима на секунду замер, переваривая услышанное, потом резко выпрямился и уставился на вентиляцию.

— Ты реально думаешь, что мой сон что-то значит? — спросил он, но в вопросе не было насмешки.

— Я не раз думал про вентиляцию. Может, это знак, — решительно сказал Дима. — Завтра. Ночью. И надо выпустить остальных.

— На тебя не похоже, что ты думаешь о других, — Причуда сказал это, потом сам сразу ответил: — Глупость сморозил.

Дима встал и ушёл к кровати, сказав напоследок: — Держи в курсе, план обсудим завтра в течение дня.

Разговор повис в воздухе тяжёлым, неудобным грузом. Он казался одновременно безумным и единственно возможным. Николь закусила губу, будто хотела возразить, но не нашла слов.

Она молчала не потому, что не доверяла плану. Она молчала, потому что уже просчитала его и знала, что если вен-

тиляция не сработает, второго шанса не будет. Один выход. Один ход. Одна ошибка.

Причуда опустил взгляд, его плечи слегка опустились, он сам не верил до конца в то, что говорил, но и отказаться уже не мог.

Дима лежал на кровати и смотрел в потолок. Он не рассказал Причуде про Чёрного. Не рассказал, что их общего друга схватили ещё в штольнях, что он видел это своими глазами и не смог помочь. И что каждый раз, когда говорит «он в метро», — врёт. Врёт, потому что боится: если сказать правду, Причуда сломается, а он не может позволить, чтобы ещё один человек рядом с ним сдался. И это его грузило сильнее, чем любая вина.

Спустя время они снова уснули. Следующий день прошёл так же, как и все остальные: в ожидании, в тишине, нарушаемой только писком сенсора и шагами за дверью. Но теперь в этой тишине пряталась новая мысль, тонкая, хрупкая, но упрямая: побег возможен.

Ночь накрыла. Свет снова приглушили, камера на стене зажглась тусклым красным глазом — будто лаборатория сама наблюдала за ними, выжидая момент. Дима не спал. Он сидел на краю кровати, бесшумно сгибал и разгибал пальцы, будто репетировал каждое движение, которое предстояло сделать. Его взгляд то и дело скользил к вентиляционной решётке.

Причуда лежал, уставившись в потолок, его дыхание было

ровным, но глаза оставались приоткрытыми. Николь грызла ногти, то и дело пиная скомканную простыню.

— Пора, — тихо, почти беззвучно, прошептал Дима.

Причуда кивнул, оттолкнулся от подушки и поднялся с кровати. Ноги слегка дрожали. Николь молча встала следом.

Дима подошёл к решётке, присел, всмотрелся в стыки металла, провёл пальцами по краям.

— Здесь крепления старые, — прошептал он, чуть наклонив голову. — Если поддеть снизу…

Он достал из-под матраса тонкую металлическую пластину — ту самую, что оторвал от кровати ещё днём, когда никто не смотрел. В этот момент по плану Причуда встал у обзора камеры так, что было видно только его спину, но не Диму у вентиляции.

С тихим скрежетом крепления поддались. Решётка дрогнула, затем соскользнула в сторону, открыв тёмный проход вентиляционного канала. Бруски от разлетевшегося стула остались, Дима и Николь аккуратно засунули их в лопасти, тем самым остановив вентилятор, потом согнули пару лопастей, чтобы можно было пролезть. Внутри пахло пылью и ржавчиной, воздух был густым.

— Ты первый, — кивнул Дима в сторону Причуды.

Причуда замер на мгновение, потом кивнул, отбежав от камеры, и нырнул в проём, цепляясь пальцами за рёбра металлических стенок. Металл царапал кожу, оставляя тонкие полоски, которые тут же наливались кровью. За ним после-

довала Николь, её движения были очень уверенными и быстрыми, она старалась не касаться ржавых краёв, чтобы не оставить следов. Дима замыкал цепочку, последним исчезая в темноте, и показал средний палец в камеру напоследок.

Вентиляция оказалась тесной, плечи едва протискивались между стенками, а каждый шорох эхом разносился по каналам, многократно усиливаясь в замкнутом пространстве. Причуда полз первым, пытаясь вспомнить обрывки сна: повороты, развилки, комнаты внизу. Он вдруг резко остановился.

— Тут, — прошептал он, прижимаясь ухом к стенке. — Слышите?

Из-за тонкого металла доносился тихий гул, а где-то внизу мерцал тусклый свет. — Это та комната, — выдохнул он. — С пробирками, где-то здесь должна быть лазейка в коридор.

Дима подполз ближе, прижался к металлу, прислушался. — Значит, ищем свет, — прошептал он. — Ищем решётку с видом на коридор.

Они поползли дальше. Через пару метров Причуда снова замер: под ними виднелся слабый отсвет. Прямо под ними была комната, залитая холодным голубоватым светом. Сквозь немного выгнувшуюся щель между металлом проглядывались ряды стеклянных капсул, наполненных красной жидкостью. В них плавали фигуры — неподвижные, искажённые, с трубками, уходящими в тела.

Николь закрыла рот ладонью, чтобы не пошёл рвотный

рефлекс, и толкнула Причуду в зад. — Ты хочешь, чтобы я прям тут наделала дел, — мотая головой, толкнула ещё раз. — Быстрее.

Причуда указал на решётку впереди — она была чуть приоткрыта, будто кто-то недавно ею пользовался, это выход в коридор.

Осторожно, стараясь не издавать ни звука, они сдвинули решётку и спрыгнули вниз, в узкий бетонный коридор. Прыжок был неудачным, высота потолков была почти три метра, грохот эхом разлетелся повсюду.

В тот же миг где-то вдалеке раздался пронзительный вой сирены — резкий, вибрирующий звук, от которого кровь стыла в жилах. Красные лампы на потолке вспыхнули, заливая коридор неприятным светом.

— Бежим! — приказал Дима, хватая Николь за руку. — Причуда, ты спереди!

Они рванули вперёд, петляя по коридорам, которые казались бесконечными и одинаковыми. Стены были гладкими, серыми, без единой зацепки, будто лаборатория специально строилась так, чтобы никто не мог запомнить дорогу, даже надписей нет.

Из бокового прохода внезапно выскочили двое охранников в тёмно-синей форме, лица скрыты масками, в руках — пистолеты-электрошокеры, компактные импульсные разрядники: серебристые, с пульсирующими синими диодами, они не просто оглушали, а на несколько секунд блокировали

нервную систему, вызывая паралич.

Один из охранников резко выбросил руку, целясь в Диму. Тот увернулся в последний момент и импульс прошёл мимо, лишь опалив воздух рядом с плечом. Несильным, но резким движением Дима выдернул у охранника пластиковый пропуск с шеи и тут же ударил ребром ладони по запястью, пистолет выпал, скользнул по полу с металлическим лязгом.

Второй охранник вскинул дубинку и бросился к Причуде, но Николь оказалась быстрее. она врезалась в него плечом, сбивая с ног, и выдернула дубинку из рук. Мужик килограмм девяносто лежал на полу, она ударила его дубинкой по маске, по спине, разряд тока пробежал по телу, и он затих.

— Так и будешь стоять? — бросила она Причуде, закинув волосы с лица назад.

Дима нервно засмеялся, почесав нос, глядя на поверженного охранника пожимая плечами. — Ничего не скажу.

Причуда в замешательстве побежал. Они ворвались в очередной блок. Ряд одинаковых дверей, за которыми слышались приглушённые голоса людей. Дима на ходу дёргал ручки и прикладывал пропуск к сканеру, двери распахивались.

— Выходите! — орал он. — Быстро, не спать! — заглядывая внутрь.

Из палат выбегали люди в костюмах разных цветов, кто-то был в шоке, кто-то в ярости, кто-то едва держался на ногах. Среди них Причуда заметил Серёгу он был весь в ссадинах, на щеке темнел свежий кровоподтёк.

— Дима! — выкрикнул он, бросаясь к ним. — Я знал, что ты что-нибудь придумаешь!

Рядом с ним стоял Кросс, спокойный и собранный. — Отмороженные, ц, но живые!

В этот момент к нему подбегал охранник, но он сработал быстро, пнув его в грудную клетку ногой, увернувшись от удара дубинкой. Тело с грохотом повалилось, а из-за угла начали выбегать другие. Он выхватил у упавшего пистолет, выстрелил в бедолагу разрядом и начал отстреливаться от вновь прибывших.

С противоположной палаты выбежал высокий рыжий парень с резкими чертами лица, внимательными голубыми глазами и россыпью веснушек на лице. Он быстро оглядел группу, оценил обстановку и шагнул вперёд.

— Я знаю этот сектор, — махая рукой, звал за собой. — Тут есть запасной выход, но он заперт. И охрана там плотная. — Он на бегу обернулся к Диме: — Я до плена работал здесь охранником. Знаю планировку.

Дима глянул на него, кивнул: — Кем? Ай, ладно потом.

В общей сложности собралась компания под полсотни.

По пути отряд встретил ещё одного охранника, который сбил пару человек электрической сетью, выпрыгнув из-за угла. Дима с разбега пнул его, повалив на пол, тот ударился об бетон затылком и выключился.

Николь выбежала вперёд, оттолкнув Диму, схватила пистолет, что упал на пол, и направила его на второго охранни-

ка, который появился из ниоткуда и уже заряжал в автомат транквилизатор, иглы с фиолетовым индикатором: такие не просто усыпляли, а вызывали мгновенную потерю сознания.

— Не шевелись, урод! — крикнула она охраннику.

Тот замер, медленно опустил руку, понимая, что он не успеет, но Николь всё равно выстрелила.

— Дурак. — Поднялась и побежала. Когда она бежала, неудачно наступила на стопу, и теперь прихрамывала.

— Быстрее! — командным голосом подгонял всех Рыжий. — Они уже вызывают подкрепление!

Группа рванула дальше, петляя по лабиринту коридоров. Сирена выла не переставая, красные лампы мигали, создавая иллюзию, будто стены сжимаются вокруг них.

Пока они бежали, Причуда не просто следовал за остальными, он постоянно оглядывался, высматривая возможные укрытия и запасные маршруты. В одном из боковых ответвлений он заметил приоткрытую дверь «вход для персонала» и на секунду задержался. Он увидел там молодого человека в белом халате, следящим за мониторы сидя в кресле. Ворвался внутрь, быстро раскрыв дверь.

— Не двигайся. — Причуда смотрел на парня с ярость.

Парень в халате в руках сжимал панель, с кнопками. Он закрыл глаза и дрожащими руками скрыл лицо за панель.

— Не убивай. — ещё сильнее вжался в кресло.

Панель представляла собой чёрный корпус с кнопками, а на крышке колба размером с детский кулак, сверху мигал

жёлтый диод. Причуда вырвал у него из рук панель, а с стола взял пару тяжелых зажимов. И будто какой-то удачей на столе лежала карта, где были написаны входы и выходы с цифровыми кодами, он схватил её и запихал в карман.

Перед ребятами показалась железная дверь — массивная, с кодовым замком. За ней виднелся тусклый свет фонарей.

— Выход, — выдохнул Рыжий. — Но тут кодовый замок, нужен код.

Дима подбежал к панели, ударил по ней кулаком с пропуском, будто это могло помочь. — Чёрт! — прошипел он. — Причуда?!

В это время Причуда, понимая, что времени почти нет, резко развернулся и бросился обратно по коридору.

— Бегите вправо, там ещё одна дверь, я нашёл карту! — крикнул и ускользнул туда, где слышался топот приближающихся шагов.

Он швырнул один из зажимов в сторону поворота повторив авантюру Димы и крикнул.

— Граната! — зажим с грохотом ударился о стену, отвлёк внимание охранников. Пока те на мгновение замешкались, швырнул второй зажим чуть дальше и побежал к ребятам.

Тем временем Николь, несмотря на боль в ноге, помогала тем, кто отставал. Один из освобождённых, парень лет двадцати в оранжевом костюме, споткнулся и упал, Николь, не раздумывая, подхватила его под руку и буквально потащила вперёд.

Потери всё же были и дальше. В одном из коридоров, когда группа пыталась проскочить мимо камеры наблюдения, из боковой ниши выскочил ещё один охранник. Он успел выстрелить транквилизатором и игла вонзилась в плечо невысокой девушки в зелёном костюме. Она пошатнулась, упала, и прежде чем кто-то успел к ней подбежать, из-за угла показались ещё двое. Не было времени останавливаться.

Снова впереди показалась железная дверь.

— Выход! — Рыжий упёрся в дверь руками, тяжело дыша, но тут же добавил: — Но код…

Дима и Причуда подбежали к панели. Николь увидела, что Причуда достал карту и тоже подбежала к ним. Кросс отстреливался прокрывая пока трое ищут код в карте, Рыжий помогает Кроссу.

— Сейчас, сейчас… — прошептал Причуда, осматривая кусок карты. —Вот, нашёл. Похоже… 09.02.0579.

Николь тут же подбежала к цифровой панели и начала вводить код.

Дима мгновенно понял. — Быстро! — крикнул он. — Все сюда!

Панель мигнула. Раздался глухой щелчок. Рыжий и Кросс подбежали и начали толкать. Дверь сдвинулась в бок, впуская поток свежего воздуха и свет фонарей с улицы. Солнце уже появлялось на горизонте, окрасив небо в тёмно-синий цвет. Последний рубеж, это открытая площадка с весами для

фур, небольшое пространство. От улицы их отделяло пару десятков метров. Ворота спереди были подняты.

Но не успели они обрадоваться, как сзади снова послышались крики, топот ботинок, треск раций. Железные стены-перегородки начали опускаться перед ними и в соседних проходах сработала система. Она автоматически блокировала сектор, отрезая пути выхода. Тяжёлые плиты с глухим лязгом медленно скользили вниз, оставляя всё меньше пространства для манёвра.

— Вперёд! — с криком и зовом побежал Дима. — Не останавливаться!

Толпа ринулась вперёд и по одному они начали выбегать на улицу.

— Быстрее! — крикнул Причуда, отступая спиной вперёд и выхватывая из кармана ручную панель. И начал нажимать на все кнопки подряд, диод вспыхнул, раздался короткий писк, и механизм на мгновение заклинило, не давая двери закрыться.

Почти все успели выбежать, эти в тёмно-синей форме, на прямой дистанции смогли подбить ещё несколько человек. Они расстреливали в спины иглами и пистолетами-электрошокерами.

Группа побежала в темноту улицы, где туман скрывал очертания города, а впереди маячили тёмные подножия домов и их единственный шанс на спасение.

Дима обернулся, окинул взглядом группу, усталые, изра-

ненные, но живые. Кто-то хромал, кто-то зажимал рану, кто-то просто тяжело дышал из-за нехватки воздуха.

— К зданию! — выкрикнул Рыжий, указывая в сторону тёмной арки у дома.

— За мной! — крикнул Дима, обогнал Рыжего и побежал вперёд.

Тёмный двор встретил беглецов прохладным ветром. Туман стелился по земле, скрывая очертания зданий, превращая город в призрачное царство. Дима первым нырнул в арку, за ним последовали остальные. Было странно одно: почему охрана не продолжила погоню.

Группа беглецов этого не видела. Они уже растворились в тумане, их шаги стихли, но наверху, на крыше лаборатории, стояли двое.

Они не выглядели так, будто спешили. Не выглядели так, будто тревожились. Они просто стояли у самого края, там, где бетонный парапет обрывался в пустоту, и смотрели вниз на туманную улицу, по которой разбегались тёмные силуэты, маленькие и беспомощные, как муравьи, покинувшие разорённый муравейник.

Первый — высокий, в длинном тёмном пальто, под которым виднелся костюм, воротник поднят, лицо скрыто тенью козырька. Руки заложены за спину, пальцы сцеплены. Второй — пониже, в таком же костюме, но без пальто. Лицо тоже не разглядеть: свет ложился так, что подчёркивал лишь контуры острый подбородок, впалые щёки, тёмные провалы

глаз. Он стоял чуть ближе к краю, и ветер трепал полы его пиджака.

Наконец первый заговорил. Голос был низкий, ровный, без единой интонации, будто слова не имели веса: — Что скажешь?

Второй не сразу ответил. Сначала чуть повернул голову, не к собеседнику, а куда-то в сторону, в туман, будто пытался рассмотреть что-то ускользающее.

— Всё как и планировалось, — произнёс он наконец. Пауза. — Но пришлось помогать.

Первый чуть шевельнулся, единственный знак внимания. — Помогать?

— Подкинуть карту на стол, посадить мальчишку, кстати я угадал, что кто-то забежит туда. — ухмыльнулся гордо и продолжил. — Приостановить закрытие ворот, отключить и открутить вентиляцию. — Во втором голосе мелькнуло что-то похожее на досаду. — Мелочи. Ничего, что меняет картину.

— Хах, — первый издал короткий, сухой звук, который мог быть смехом, но больше напоминал кашель. — Как объекты?

Второй достал из кармана что-то маленькое, блеснувшее в тусклом свете, — то ли планшет, то ли просто стекло и провёл по нему пальцем. Движение было привычным, машинальным, как у курильщика, щёлкающего зажигалкой.

— 09-В. Шестое чувство. — Он говорил тихо, почти шё-

потом, но каждое слово ложилось чётко, будто высекалось на камне. — Как у зверей. Чувство опасности, двенадцать процентов и растёт. Растёт быстрее, чем мы закладывали.

Он провёл пальцем ещё раз. — 23-В. Выносливость и логика. Повышенные. Тот же профиль, что у 02-С, но устойчивее. Меньше пауз, меньше сбоев.

Ещё движение. И тут голос чуть изменился, не стал теплее, нет, но в нём проступило что-то, что можно было принять за уважение или за голод. — 17-В, — он помолчал. — Золото показа.

Силуэт шагнул к краю крыши. Под ногой хрустнул гравий. Внизу была пустота, туман, далёкие огни города, которого, возможно, не существовало до вчерашнего дня.

— Это сенсор, — добавил он, и слово повисло в воздухе, будто он и сам не до конца понимал, что оно значит. Или понимал слишком хорошо.

Первый молчал. Смотрел вниз. Потом медленно кивнул. Тишина снова сомкнулась. Ветер усилился, и где-то внизу, за стенами, что-то глухо загудело, то ли насос, то ли генератор.

Их разговор прервал третий.

Он ворвался на крышу сломя голову, тяжело дыша, спотыкаясь о порог, хватаясь за дверной косяк. Это был Очкарик, тот самый учёный, мерзкий тип в мятом халате и очках, за которыми прятались холодные, расчётливые глаза. Только сейчас глаза не были холодными. Сейчас они были мокрыми, бегающими, а на лбу блестела испарина.

— Прошу прощения за наглость, извините, — он чуть ли не упал на колени, выдавив из себя эти слова так, будто каждое стоило ему зуба.

Двое силуэтов просто кивнули, развернувшись к нему и он продолжил, торопясь, путаясь в словах.

— В момент разыгровки произошло ЧП. А-01, А-02, А-03 тоже сбежали.

Он сглотнул. Пауза была такой плотной, что, казалось, её можно потрогать. — Они вынесли половину охраны. И ушли в чёрный ход. Тихо. Аккуратно. Как будто… как будто знали, куда идут.

Никто не ответил. Очкарик стоял, втянув голову в плечи, и его трясло, то ли от холода, то ли от страха.

Первый силуэт не шевельнулся. Только пальцы за спиной чуть дрогнули.

— А-01, А-02, А-03, — повторил он медленно, и каждое число. — Сколько их было, когда мы проводили опыты над объектами А и когда это было?

— Полгода назад, их было сорок человек, — прошептал Очкарик.

— А сейчас?

— Всего трое.

Тишина. Долгая, вязкая. Потом второй сил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.